

МАРИНА СУРЖЕВСКАЯ

ДИКАРЬ

16+

Марина Суржевская

Дикарь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63804123

SelfPub; 2021

Аннотация

Если приходится разводиться с мужем – это обидно. Если нужно сменить столицу на глухую провинцию – это неприятно. Если наследством оказывается не особняк, а развалюха – это очень грустно. А если становится известно, что твой дом еще и занят настоящим дикарем, без совести и чести – это просто катастрофа!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	30
Глава 3	54
Глава 4	70
Глава 5	84
Глава 6	97
Глава 7	109
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Марина Суржевская

Дикарь

Пролог

– Это что, шутка?

Мужчина с яростью швырнул бумагу на стол и уставился на своего собеседника. Тот тяжело вздохнул, надеясь лишь на то, что этот разговор не приведет к разрушению его дома. Конечно, Фирс Креол благоразумно удалил всех домочадцев и даже собак велел отвести на задний двор, зная, что вечером явится Шерх. Если бы он мог, не стал бы ему ничего говорить. Но Фирс не мог. Все-таки он в ответе за этот город, а значит, и за того, кто сейчас прожигает его взглядом, стоя посреди гостиной. Хотя никто в здравом уме не пожелал бы нести ответственность за ШерхаХенсли! Более того, никто даже не желал бы жить с ним в одном городе! Но, увы... Выгнать его тоже никто не мог.

А разговор и так уже затянут до предела, бумага пришла еще месяц назад. Но градоначальнику понадобилось время, чтобы собраться с силами и вызвать для беседы Шерха.

И потому сейчас Фирс страдал, нервничал, вытирал потный лоб и мечтал, чтобы этот разговор скорее закончился.

– К сожалению, это правда, – осторожно начал он.

– Правда?

Шерх смотрел, не моргая, и градоначальнику вновь стало не по себе. Ну не может ведь живой человек совсем не моргать? Шерху это удавалось. Хотя кто может сказать, что он живой? Вот это тоже под вопросом...

– Ты издеваешься? – сквозь зубы процедил виновник неудобства хозяина этой красивой гостиной. – Когда я въехал в этот дом семь лет назад, он был развалиной! Покосившейся хибарой, в которой на голову сыпалась труха с крыши! Жрот тебе поглоти, да она рухнула, эта проклятая крыша, мне пришлось настилать новую! Это был не дом, а три покосившиеся стены, которые лишь по недоразумению еще стояли!

– Я знаю, Шерх! – Фирс молитвенно сложил ладони. – Я все знаю! И прекрасно помню, как обстояли дела с этим домом! Но что ты хочешь от меня? Я ничего не могу изменить!

– Мне плевать, чего ты не можешь, а вернее, не хочешь! – оборвал Шерх. – Это мой дом! По всем правам – мой!

– Так никто твои права и не оспаривает! – горячо уверил градоначальник.

– Не оспаривает? – рявкнул его собеседник, и Фирс подпрыгнул, умоляя духов успокоить сумасшедшего. Если эта угроза рванет именно сегодня, что он скажет своей Кларисс? Хотя о чем это он? Если Шерх слетит с катушек, то Кларисс останется лишь приносить цветы на холмик, где покоится ее муж!

Перспективы не радовали, и Фирс затосковал, мечтая о хорошем глотке виски. Но, увы. Приближаться к Шерху с алкогольными парами тоже не стоит. Вот же угораздило этому ненормальному поселиться именно в его, Фирса, городе! Вот не повезло, так не повезло!

И все же, надо было назначить встречу где-нибудь в лесу. Так оно спокойнее было бы...

– Шерх, прошу тебя, не волнуйся! – как можно ласковее произнес он. – Это ведь ничего не значит! Да, твой брат отписал принадлежащую ему половину дома своей супруге, ну так что? Никто в здравом уме не сменит столицу королевства на наше захолустье! Эта фифочка никогда сюда не явится, уж поверь мне! Я уверен, тебе совершенно не о чем беспокоиться!

Безжизненные и совершенно черные глаза Шерха не выражали никаких чувств, хотя говорил он с яростью. В этом был весь Хенсли, только он мог буйствовать с таким застывшим и мертвым лицом. Впрочем... Впрочем...

– Я уверен, это лишь бумажка, – повторил Фирс натужно. – Просто возвращайся к своим делам и забудь о ней!

Очень медленно Шерх сделал шаг назад и кивнул. Градоначальник осторожно выдохнул.

– Возможно, ты прав, Фирс, – уже спокойнее сказал Шерх.

– Ну, конечно, прав! – обрадовался градоначальник. Кажется, буря миновала, пусть будут благословенны Духи предков! – Конечно! Ну сколько этой девчонке лет? Восемь-

надцать? Двадцать? У нее лишь танцы и гулянья на уме, а у нас что? Да у нас даже водопровод не всегда работает! Здесь нет ни театра, ни светоскопа, ни развлечений! Что ей тут делать? А продать свою долю девчонка не может, это оговорено в документе.

Плечи Шерха заметно расслабились. Похоже, доводы его убедили.

– Да, все так. – Он провел рукой по взъерошенным волосам, добавляя длинным нечесаным патлам еще больше беспорядка. – Эта девка сюда не явится. Нечего ей тут делать.

– Совершенно нечего, – с готовностью подтвердил Фирс и, не сдержавшись, шагнул к настенному бару. – По глоточку?

Шерх как обычно покачал головой. Но, к счастью, не стал мучить градоначальника и задерживаться. Резко кивнув, он покинул его гостиную и дом.

Фирс в тот же миг сделал огромный глоток виски, и даже предстоящие вопли Клариссы по поводу возлияния его сейчас не волновали. Он лишь молился духам предков, чтобы эта самая новаяявленная наследница действительно никогда не явилась в Дейлиш.

Увы, на этот раз Духи его не услышали.

Глава 1

...Одним прекрасным и солнечным летним утром Остроухий Заяц взял свою котомку, в которой лежали чашка с незабудками, морковка, несколько веточек для чистки зубов, зонт на случай дождя (а Заяц очень не любил дождь), запасные ботинки и мешочек чудесного чая, потому что в любых непонятных обстоятельствах Заяц пил чай, и отправился в путь, чтобы найти свой дом...

Наемный кэб проехал городскую стену уже в сумерках, и я стиснула ремешок своей сумки. Хоть бы добраться до дома засветло! Входить в незнакомое, да еще и пустующее помещение ночью совсем не хотелось. Линк уснула рядом, уютно свернувшись и положив голову на мое плечо. Я растерянно погладила девочку, глядя на проплывающие за окном поля. Дорога вымотала нас обеих, хотя и наполнила новыми впечатлениями. За двадцать четыре года своей жизни я ни разу не покидала столицу королевства – Кронвельгард. Надо признать, это довольно мрачный каменный город, помпезный, роскошный, дорогой и не слишком приветливый. Недаром ведь ходит среди горожан поговорка: на Кронвельгард хорошо смотреть с высоты королевского холма. То есть в нем отлично живется тем, у кого есть деньги в кармане. До двадца-

ти лет у меня их не было, а потом я вышла замуж. Но вот как раз об этом вспоминать не хочется.

Конечно, я бывала на живых картинах, читала книги и даже видела показ светоскопа, рассказывающий об острове в центре Великого моря. В наш просвещенный век уже не осталось глупцов, верящих, что за Кронвельгардом ничего нет. Конечно, я знала и о северных племенах, и о Пустынной Империи, и о других местах, где живут люди. Но никогда и помыслить не могла, что однажды сяду на пароход, чтобы отправиться на юг нашего королевства – Ированс, а там найду маленький городок Дейлиш.

О самом Ировансе я знала лишь то, что местное население делает вино, которое очень любил на ужин мой бывший муж. Пожалуй, это было единственное удовольствие, которое мы с ним разделяли.

Но вовсе не из-за рубинового напитка я решила покинуть город мостов и дворцов, пересечь пролив, чуть не скончаться от ужаса в дирижабле, а потом долго трястись в кэбе, чтобы, наконец, оказаться здесь. Причина была совсем в другом. Вернее, причин было несколько, но прежде всего, здесь, в Дейлише, находился мой новый и единственный дом – Оливковая роща. Так он назывался. И мне уже виделся портик с белоснежными колоннами, фризы с изображением оливковых ветвей, светлые лаковые полы и изящная изгородь, увитая цветами.

Так как путешествовать пришлось самым дешевым клас-

сом, то под конец этой недельной дороги мы с Линк чувствовали себя двумя листиками пережеванного салата. Помятыми, вялыми и совершенно непривлекательными. Ну, я точно чувствовала себя именно так. Линк же так радовалась тому, что мы покидаем Кронвельгард, что готова была идти в Оливковую рощу пешком.

Итак, несколько дней на пароходе, потом дирижабль, после кэб... Духи, когда же закончится этот путь? Безумно хотелось скинуть уже ботинки и грязную одежду, принять горячую ванну, а после вытянуться на кровати и дать телу и разуму хоть какую-то передышку! Линк вздохнула во сне, и я погладила ее спину сквозь толстое клетчатое пальто. Одно радует – здесь гораздо теплее, чем в столице. Изменение климата мы ощутили, как только сошли с парохода, но разговорчивый сосед предупредил, что на юге обманчивый ветер. Вроде теплый, а продувает враз. Поэтому я не спешила раздевать Линк, хотя она и норовила стянуть пальто из колючей шерсти. К тому же спина девочки снова начала чесаться, так что я опасалась выпускать ее без верхней одежды. Вдруг случится то, чего я так боюсь?

Я поежилась, пытаюсь отбросить дурные мысли и рассматривая пейзаж. Говорят, здесь недалеко проходила дорога эйлинов... Она разрезала королевство на две части и здесь, в Ировансе, была совсем рядом, за грядой. Я тряхнула головой, отбрасывая и эти мысли. Поверенный сказал, что мой дом стоит в стороне от города, по сути, это загородное поме-

стве. Значит, у нас с Линк будет не так много враждебных и осуждающих глаз, если случится страшное. Но я надеялась, что солнце, а главное – гейзер помогут Линк от ее напасти.

Местность Ированса оказалась холмистой. Уже час за окном кэба тянулись бесконечные поля и виноградники, за ними виднелись складки гор, густо заросшие кедром и сосной. Вдоль дороги уже пробивались полевые цветы, что казалось почти чудом нам, привыкшим к долгой зиме и холодному лету Кронвельгарда. Пройдет совсем немного времени, и этот край оденется в лаванду и маки, виноград напитается солнцем и особой живительной влагой, солнечные камни, укрывающие склоны гор, начнут петь свои песни, а волшебный гейзер снова пробудится. По крайней мере, так обещал завлекающий свиток, что я подобрала на пароходке, когда его выбросила какая-то богатенькая дамочка.

Привычно потрогала детский лоб и нахмурилась.

– Долго еще? – спросила водителя. Тот посмотрел в круглое зеркальце. Он частенько поглядывал в него по дороге, и я ловила этот взгляд из-под козырька шляпы – любопытный и хитрый.

– Да скоро уже, всего-то пара поворотов, и на дорожку выйдем! Как раз к дому дикаря она и ведет!

– Кого? – не поняла я.

– Так дикаря! Отшельника, что там живет.

Я нахмурилась.

– О чем вы говорите? В моем доме никто не должен жить!

Глаза водителя заблестели еще сильнее от осознания невиданной удачи. Сплетня! Живая и новая сплетня, которую он уже сегодня расскажет за игрой в подставного шута!

– Ну, я не знаю, что оно должно быть, а что нет! А дикарь живет.

Я уставилась в зеркало, надеясь, что мне просто врут. В моем доме кто-то поселился? Но как он посмел! Да что здесь вообще происходит? Да я его ...

Духи, ну почему мне так не везет?

Судя по всему, пустующий дом занял кто-то из местных забулдыг, опустившийся пьянчужка. И как я буду его выгонять? Хорошо, если там немощный старик – уйдет по-хорошему, а если буйный? Или и того хуже?

Я вздрогнула от ужасных картин, нарисованных слишком живым воображением. И стиснула зубы. Ничего! Я найду управу даже на переродившегося! Потому что мне слишком нужен этот дом, он слишком нужен нам с Линк. И я не отдам его наглому захватчику!

– Только я к воротам не поеду, – «обрадовал» водитель. – Там у дикаря гадость всякая, может и рвануть! У нас так Рыжий Билл подорвался, чуть без руки не остался!

– То есть как это – рвануть?

Ситуация становилась все хуже.

– Бу-бум! – радостно сообщил обладатель кэба и шляпы. – И все, нет руки. Или головы, тут уж как повезет.

Я открыла рот, намереваясь сказать все, что думаю, и...

закрыла. От усталости и голода мысли путались, а руки противно дрожали. Может, этот шутник все врет? Решил попугать приезжую? В каждом городке есть местные легенды, которыми активно пичкают новичков. Может, и со мной лишь шутят?

– Все, приехали! – сообщил водитель, и кэб вздрогнул, выпустил клубы пара и замер посреди леса.

Именно так. Вокруг высились деревья и заросли, быстро темнеющие в надвигающихся сумерках. Никакого жилья или света поблизости видно не было. Сам Дейлиш остался примерно в двух литах отсюда.

– Вы издеваетесь?! – воскликнула я и прикусила язык, когда Линк заворочалась. – Послушайте, – продолжила уже тише, – если вы надеетесь таким вот ужасным способом получить с меня больше денег, то даже не мечтайте. У меня их просто нет! А в сумках лишь старая поношенная одежда, две пары растоптанной обуви и детские книжки! Ну а если вы рассчитываете получить удовольствие от моего тела, то и тут я вас разочарую. После развода я ношу пояс целомудрия! Магический! К тому же я умею драться, и если вы все же полезете ко мне, то я хорошенько приложу коленом ваше достоинство. Даже не сомневайтесь!

Глаза водителя стали такими круглыми, что чуть не вылезли из орбит.

– Что вы несете? Не собираюсь я к вам лезть, я честный человек! Женатый! Да вы свихнулись, уважаемая истра! Вы-

ходите из моего кэба, я не шучу! Дальше все равно не проехать, только пешком!

– Почему не проехать? – Я высунулась наружу, осматривая дорогу. Да, это не мостовая в столице, но ехать-то можно? – Очень даже проехать!

– Я же сказал – дальше нельзя! Дальше уже территория дикаря. Вы не только чокнутая, но и слепая, что ли? Вон он, знак!

Я прищурилась. На столбе трепыхалась какая-то тряпка, на которой чернел рисунок. Что именно там изображено, я рассмотреть не смогла.

– Дальше не поеду! – уперся водитель. – Делать мне нечего – с дикарем связываться!

Он решительно перевернул песочные часы возле руля, и на синей табличке вспыхнули буквы: «Поездка окончена! Оплатите услуги нанятого кэба! Спасибо, что пользуетесь кэбами истра Ранье! Покупайте хлеб и пирожные в кофейне истры Леон!».

Я сглотнула. Лучше бы здесь была завлекалка про распродажу в магазине обуви! Новые ботинки тоже хочется, но от этих образов хотя бы не урчит в животе! Однако прощальная надпись означала и плохую весть – если я не оплачу и не покину кэб в течение пяти минут, то сработает охранное заклинание. Последствия его могут быть самые разные – от головной боли до жуткого недержания, в зависимости от того, насколько расщедрился водитель на услуги мага. Ну и от

чувства юмора последнего.

Медлить я не стала – бросила на сидение монету, подхватила Линк и выскочила на дорогу. Задняя крышка кэба распахнулась, и наши сумки спланировали к ногам, чуть не сбив меня. Да, заклинание перемещение явно лепил неуч!

Водитель окинул нас красноречивым взглядом, кэб фыркнул паром, и оба умчались.

– Уже приехали?

Линк распахнула сонные глаза, и я осторожно поставила ее на землю.

– Да, милая, – ободряюще улыбнулась. – Только надо немножко пройти ножками. Как ты себя чувствуешь?

– Пчелы жужжат.

Линк потеряла живот, я улыбнулась еще более ободряюще, хотя внутри было довольно паршиво. Если летающие бабочки в животе Линк сменились пчелами, это значит, что девочка голодна.

– Вот, возьми.

Присела возле потертой сумки, шелкнула замочком и вытащила пакетик с бобами. Их осталось всего четыре. Да, скоро вопрос пропитания встанет в полный рост. Но ничего, я что-нибудь придумаю!

Вытряхнула на пыльную ладошку Линк один боб.

– Водой запей.

Девочка покосилась на свой ужин и вздохнула. Конечно, бобы дают чувство насыщения, но вот удовольствия – ника-

кого. Наверняка пирожные истры Леон гораздо вкуснее! И далась мне эта истра!

— Идем. — Я решительно подхватила сумки. — Дом совсем рядом! Мы сможем искупаться и отдохнуть, а завтра я схожу в город и куплю нам еды! Ну же, Линк, веселее, не будем огорчать Остроухого Зайца!

Девочка против воли рассмеялась, как происходило всегда, стоило вспомнить персонажа ее любимой сказки. Я же вознесла стотысячную благодарность бабушке, что когда-то рассказала мне эту историю. Что бы я без нее делала?

Мои радужные уверения не оправдались, мы шли и шли, а лес не заканчивался. Я скрипела зубами, призывая на голову водителя всяческие кары и неприятности. Надо же было бросить нас в лесу! Мерзавец! А что, если он и вовсе завез нас в глухомань, и нет тут никакого дома?

Стоило подумать об этом, как перед нами возник забор. Высокая и, кажется, монолитная стена появилась из сгущающейся тьмы, словно ее часть. Неудивительно, что я чуть не врезалась в нее лбом! Но если есть забор, значит, и дом рядом! Повеселев, я поправила Линк шапочку и осмотрелась. Ага, а вот и дверь! Запертая. Ударила в створку кулаком, а потом добавила толчки ногами, совсем неженственно задрав подол юбки.

Хорошо, что я догадалась надеть ботинки, а не туфли. Но что за напасть такая! От досады и усталости хотелось плакать, но, конечно, я продолжала улыбаться. Линк смотрела

растерянно, потом присоединилась ко мне в бесполезном избивании двери. Я уже думала, что придется лезть через забор, когда внутри что-то хлопнуло, а потом створка распахнулась так резко, что я чуть не свалилась. И отшатнулась, увидев того самого бродягу. Длинные нечесанные патлы мужика падали на лоб и черные, прищуренные глаза, лицо со шрамом украшала густая всклокоченная борода. К тому же этот кошмар оказался вовсе не тщедушным стариком, а мужчиной, хоть и довольно худым. На его плечах болталась потрепанная куртка с мехом внутрь, на ногах были кожаные штаны. А самое ужасное – в руке он держал двустволку. Какие, однако, наглые воры пошли! Вооруженные.

– Убирайтесь! – рявкнул мужик и, отвернувшись, захлопнул дверь перед нашим носом.

Я ошалело похлопала глазами. На самом деле гораздо умнее было бы отправиться в город, найти там съемную комнату и спокойно переночевать. И уже утром явиться в свой дом с местным стражем правопорядка. Да вот только одна лишь мысль, что придется тащиться несколько лит по темноте, а потом пытаться найти дом для путников, да еще такой, где койка стоит недорого, и все это с сумками и зевающей Линк....

– Откройте немедленно! – завопила я, живо представив все это. – Эй, вы там слышите? Откройте эту проклятую дверь! Вы не имеете права! Убирайтесь из моего дома! Но прежде откройте эту дверь!

Конечно, трудно назвать такие вопли поступком умной и взрослой женщины. Тем более если учесть, что за створкой – вооруженный негодяй разбойничьей наружности. Но что еще мне оставалась делать? В конце концов, не станет же он в нас стрелять?

Поежилась, подумав, что такой тип вполне возможно как раз станет...

Только хотела отвести Линк в сторонку, как дверь снова распахнулась.

– Из вашего дома?

Мужик просверлил меня взглядом. Я обрадованно кивнула. Ну вот, сейчас все и разрешится! Может, этот дикарь не так уж и плох, ну подумаешь, пожил в чужом доме! А сейчас он быстренько извинится, соберет свои лохмотья и исчезнет...

– Да-да, это мой дом! – снова закивала я, ощущая себя заведенной куклой. – Меня зовут София Лэнг. И этот дом принадлежит мне!

Дикарь на миг застыл, и стало ощутимо не по себе. Взгляд у этого типа просто жуткий. Да и он сам... доверия точно не внушает! Но так уж и быть, я разрешу ему остаться в моем доме до утра...

– Убирайтесь! – с той же непередаваемой интонацией произнес он и снова захлопнул дверь. Я некрасиво открыла рот, взирая на массивную створку с железными ободами.

– Теперь мы пойдем обратно? – спросила Линк.

– Нет! – Желание разреветься прошло, и меня охватила ярость. – Никуда мы не пойдем!

Не сдержавшись, я пнула ни в чем не повинную сумку, подобрала подол юбки и присела, высматривая кусок земли без травы. Не позволю какому-то мужлану выкинуть меня из собственного дома! Не позволю!

Призыв духа жилища мы проходили в академии, но я всегда была нерадивой ученицей. Да и не слишком способной, если уж честно. Таких как я называют «штилевыми» магами. То есть сила в нас вроде есть, а вот направление ей мы задать почти не способны. Никчемыши – более точное определение. Заклинания в моей голове путались, пальцы не складывались в нужные фигуры, а рисунки и плетения призывов я всегда забывала или переиначивала. Даже в академии штилевых обучают спустя рукава, зная, что толку от нас никакого. Но показывают простейшие ритуалы, на всякий случай. А я и академию не закончила, проучилась всего два года после появления кольца силы. Гордон тогда сказал, что ни к чему мне тратить время на столь неразумное обучение. И я согласилась. Впрочем, в то время я во всем с ним соглашалась, потому что была вне себя от счастья и любви.

Так что сейчас я пытала и сопела, пытаясь вспомнить ритуал и необходимые слова. Отсутствие света сильно усложняло мою работу, в наступающих сумерках я уже плохо видела, что именно рисую на земле. Кажется, в центре должен быть знак бесконечности? Или нет... треугольник? Квадрат

призыва? Вот гадство!

– А что ты делаешь?

Линк присела рядом на корточки.

– Отойди, милая, в сторонку. Я сейчас вызову духа дома, и он надерет за... ну, то есть накажет этого мужлана!

– Да?

Линк радостно захихикала.

– Да! – уверила я, отчаянно морща лоб. И все-таки, какая фигура в центре? Вздохнув, нарисовала треугольник и произнесла заклинание.

– А этот дух очень злой? – с радостным ожиданием спросила Линк.

– Не знаю. – Я не сдержалась и села прямо на землю, потому что ноги уже не держали. – Так как это мой дом, дух должен меня услышать и прийти на помощь.

Я умолчала о том, что бывают совсем слабые духи, которые не только не способны помочь, но и могут навредить. Нет-нет, это не мой случай! У меня дух будет сильным и, надеюсь, с парочкой припасенных заклятий для наглого захватчика!

Линк расположилась рядом со мной, и мы посидели, плясь на закрытую дверь.

– А почему ничего не происходит?

Линк быстро надоело молчать.

– Сейчас, милая. Сейчас все случится, – безнадежно соврала я. Наверное, в центре все-таки квадрат... И, наверное,

все-таки придется лезть на стену!

Но тут дверь снова открылась, правда, вместо духа в проеме темнела угрожающая фигура все того же мужика. Мы с Линк вскочили на ноги.

– Вы что, глухая? – неприятно оскалился он. – Я велел вам убираться отсюда!

– Да как вы смеете! – Я уперла руки в бока, косясь на двустволку в его руках. – Я же сказала вам, это мой дом! Сами убирайтесь отсюда! Пожили в чужой собственности и хватит, имейте совесть! Послушайте... – Я попыталась воззвать к его разуму, хотя очень хотелось сказать что-нибудь такое, чего не должна говорить и даже думать благородная истра. – Я все понимаю. Вам негде жить, и вы решили временно присвоить чужое жилище. Не знаю, как вы там обошли охранный запрет, но обошли и ладно. Я на вас не сержусь, честное слово! Но теперь у этого дома появилась хозяйка, то есть я. А вы просто уйдите. Хорошо? Я не буду жаловаться на вас, честное слово! Надеюсь, вы не тронули фамильную посуду и мебель... Давайте вы просто выйдете за дверь, и мы не будем ссориться?

– Не станете жаловаться? Не тронул мебель? – Мне показалось, что он все-таки пристрелит нас, таким жутким стало лицо дикаря. Белый шрам, рассекающий щеку и бровь, побелел на смуглой коже. Дикарь недобро усмехнулся. – Хозяйка, значит?

Он сделал к нам шаг, Линк пискнула и спряталась за мою

спину. Я расправила плечи, демонстрируя уверенность, которой совсем не испытывала. Мы в лесу, рядом с каким-то сумасшедшим, хуже не придумаешь...

– Похоже, вам сделали изрядную подлянку, – с неприятной насмешкой протянул дикарь, и я нахмурилась. – И, кажется, забыли предупредить, что у этого дома уже есть владелец.

– То есть как это? – опешила я. Что значит, есть владелец? Собственность в Дейлише – единственное, что теперь у меня есть!

– Так! – рывкнул мужлан, снова начиная злиться. – Дом принадлежит мне точно так же, как и вам.

Проклятие! Мне захотелось снова сесть на землю. И приклониться к чему-нибудь твердому.

– Вот только я не собираюсь делить его с вами. Так что проваливайте отсюда, София Лэнг!

Он угрожающе повел дуэльной.

Линк испуганно вскрикнула, вцепившись в мою юбку, и черные глаза дикаря сузились, глядя на девочку.

– Мы никуда не пойдем. – Нет, мой голос не дрожит, совсем не дрожит! – Раз я такая же хозяйка этого дома, то имею право в нем жить! Так что будьте добры, отойдите с дороги и пропустите нас! А с правами собственности мы разберемся завтра.

Мужик буравил взглядом Линк, выглядывавшую из-за меня. И я подумала, что, может, идея отправиться в город и

переночевать там не так уж и плохо. Потому что от перспективы ночевки в одном здании с этим дикарем мороз холодил кожу.

– Что ж, – он как-то неопределенно хмыкнул, снова посмотрев на меня, – входите. Хозяйка.

В голосе прозвучало откровенное презрение.

Не веря своим ушам, я подхватила сумки, налившиеся неподъемной тяжестью, и мы с Линк вошли во внутренний двор. Здесь горел лишь один тусклый фонарь, в свете которого было трудно что-то разобрать.

– Ваша половина вон там, – откровенно издевательски произнес гад, который по какому-то недоразумению оказался здесь.

Я сглотнула, оглядев наше пристанище.

– Это что, шутка? – крыло дома выглядело не только необжитым, но и почти разрушенным. И шуткой все это не было. Увы.

– И не надейтесь на помощь духа. – Во тьме мужских глаз отразился желтый фонарь. – Этот дом мертв. К тому же для призыва нужна другая пентаграмма.

И, повернувшись к нам спиной, наглец похромал к двери южного крыла, в котором слабо светились два окна. Линк хлопала круглыми глазами, а я подхватила сумки. Унывать я точно не буду!

– Ну вот, все хорошо! – весело сказала я девочке. – Вот мы и дома, Линк! Идем же скорее!

И не оглядываясь на неотесанного мужлана, решительно устремилась к нашему новому жилищу. Увы, внутри все оказалось еще непригляднее, чем снаружи. За покосившейся и нутужно скрипящей дверью обнаружился захламленный холл, заваленная непонятно чем лестница и три двери. Одна в пыльную кухню, вторая в маленькую комнатку, похожую на чулан, в третью я заглядывать не стала. Ночь окончательно завладела Ировансом, и в темном помещении можно было рассмотреть лишь угрожающие силуэты мебели, накрытые тряпками. И, похоже, дом действительно умер, а это плохо. Без души любое здание начинает ветшать и разрушаться, все в нем ломается и портится. К тому же некого попросить о помощи.

Эта мысль заставила меня замереть. Если честно, я очень надеялась на живой дом... Тот, который встретил бы и обогрел, зажег свет и наполнил водой ванную! О, Духи! Да была ли здесь ванная?

Встряхнулась, запрещая себе уныние. Значит, придется справляться своими силами.

– Подожди, милая, у меня где-то есть свеча, – пробормотала я молчащей Линк. Присела у сумок, отчаянно вспоминая, куда засунула огарок. Ведь был же, точно был!

В Кронвельгарде уже давно используют электричество, но, похоже, в этой глухомани о прогрессе ничего не знают! А я как чувствовала, что пригодится остаток свечи! Но где же он?

Линк тихонько встала рядом, сложила ладошки чашечкой, и внутри них загорелось голубое мерцание, освещая комнату.

– Спасибо, моя хорошая. – Я благодарно улыбнулась девочке, быстро находя завернутую в бумагу свечу. – Но больше так не делай. Ты ведь помнишь, что я тебе говорила?

Линк виновато кивнула. Я чиркнула спичкой, поджигая фитилек, и подняла свечу повыше. Да уж, кажется, можно забыть о горячей ванне и удобной постели. В углу комнаты громоздились развалины шкафа и стола, у другой стены – что-то, накрытое грязной тряпкой. От пыли Линк начала чихать, я с трудом сдерживалась, чтобы к ней не присоединиться.

Я прищурилась, осматривая помещение и решая, что делать. Спать в такой пылище невозможно, значит, надо убрать. От усталости уже ломило спину, но я не могла оставить Линкв грязи на ночь. Ей это точно не пойдет на пользу.

– Милая, посиди на пороге. – Я порадовалась теплему климату Ированса. – А я пока быстренько наведу порядок!

– Я помогу, – отозвалась девочка.

– Ну уж нет, нечего тут пыль глотать, – решительно оправила Линк за дверь. – Тут сиди. И никуда ни шагу, ясно тебе?

Дверь оставила открытой, а сама схватила свечу и отправилась искать воду. Кран обнаружился на кухне. Хотя и текла вода с фырканием и перебоями, но все же текла. Я сбросила накидку, засучила рукава и подол, а потом, не мудрствуя

лукаво, намочила какую-то тряпку и отправилась в тот самый чулан. На уборку холла у меня просто не хватит сил, так что решила ограничиться маленьким помещением. Линк тихонько пела, сидя на пороге, я мыла полы и ругалась себе под нос. О том, что делать с неожиданным и неприятным соседом, я буду думать завтра. На завтра вообще запланирована куча дел и мыслей. Но это все – завтра!

Через час чулан пах свежестью и деревом от вымытых досок. Проветрив помещение, я вытащила из сумки плед и встряхнула его. Тонкая и легкая ткань-паутинка развернулась и стала пушистым толстым одеялом. Удивительная вещь, доставшаяся мне от бабушки. Я улыбнулась. В этом одеяле спать можно даже на земле, телу будет тепло, а сны приснятся светлые.

Честно говоря, я немного обманула водителя, сказав, что сумки пусты, кое-что имелось. А вот насчет монет не соврала, их действительно почти не осталось.

Линк заснула, сидя на пороге, и я подняла ее на руки, внесла в дом. Осторожно, стараясь не разбудить, сняла с девочки верхнюю одежду и ботинки, завернула в одеяло.

– Заяц должен почистить усы и уши... – сквозь сон пробормотала Линк.

– Завтра почистит. Спи, – улыбнулась я.

– А что было дальше? Когда Заяц сошел на берег?

Ну вот, все-таки проснулась!

Я качнула головой, но сдалась. Все равно Линк долго не

продержится, заснет.

– Ладно, слушай. – Я поправила одеяло. – Остроухий Заяц сошел на берег, помахал гигантской черепахе и отправился искать свой дом. Теплый Ветер приносил ему запахи моря, а еще рассказывал о том удивительном крае, в который попал Заяц. И шептал о волшебном источнике, окунувшись в который можно навсегда забыть свои печали. И вот, пройдя через поля, леса и даже горы, наш герой увидел стены... Обрадовался Остроухий, решив, что кончились его мучения и он нашел наконец дом, но не тут-то было!

– Дом не дождался его, – прошептала девочка. – Он уснул, ведь Остроухий Заяц шел слишком долго...

– Да. Но самое плохое заключалось в другом.

– В чем? – вскинулась Линк.

Я натянула повыше одеяло и щелкнула девочку по носу.

– Глаза закрой. Помнишь уговор? Историю можно слушать только с закрытыми глазками. Да, надеждам Зайца на спокойную жизнь не суждено было сбыться, потому что его прекрасный, чудесный, хоть и уснувший домик уже занял наглый Злыднякют! Ужасное чудовище, что поселилось в домике и пугало своим видом даже диких зверей! А вот что будет дальше, ты узнаешь завтра. Спи...

Она что-то пробормотала в дреме, подтягивая коленки к груди. Мое сердце сжалось от любви и жалости. Провела рукой по спутанным кудряшкам.

– Все будет хорошо, – прошептала я. – Все будет хорошо,

моя девочка...

Тяжело поднялась и прикрыла за собой дверь.

Странно, но после работы спать перехотелось, в теле разлилась какая-то мутная слабость. Я помотала головой и решила, что неплохо бы хоть немного смыть с себя грязь и пот. Конечно, хочется в ванну, но, увы-увы.

Прошла к крану, поставила на пол свечу. Стянула платье и с наслаждением сунула руки под воду. Все же в проживании на юге есть свои плюсы. Пусть и далеко от столицы, зато вот даже в кране вода не ледяная, а вполне терпимая.

Я намочила тряпочку, провела по шее, чувствуя, как стекают по спине прохладные струйки. Надо будет завтра раздобыть где-нибудь ведро. И таз. Вещи выстирать... Да и от куска хорошего мыла я бы не отказалась. В любом случае придется идти в город, нужно купить еды и разные мелочи, необходимые для жизни. Все же как ужасно, что дом мертв...

Пламя одинокой свечи не мешало льющемуся сквозь незашторенное окно лунному свету. И на миг я застыла, глядя на это чудо – круглая и огромная луна висела в окне, словно масляный блин. А вокруг рассыпались искры звезд – невероятно ярких. Красиво.

Вытащила из волос шпильки и заколки, откинула на спину упавшие пряди и потянулась, зевнула. Пожалуй, пора и мне на боковую, дел завтра невпроворот.

Обернулась и подпрыгнула. В темном окне виделся силуэт. Но лишь миг – стоило моргнуть, и он исчез. Я потеряла

глаза, точно пора отправляться в постель, ну, то есть – на одеяло. Мерещится всякое...

Но стало неуютно, красота ночи потеряла свое очарование. Так что я подхватила одежду и нырнула в чулан, где тихо посапывала Линк.

Глава 2

Ах, совсем не такого приема ожидал Заяц!

И совсем растерялся, не зная, что делать с ужасным Злыдняклютом, занявшим его прекрасный Дом!

Он устроился на куче прошлогодних листьев, сложил лапки и с грустью посмотрел на запертую дверь...

Приступ сжимал горло, колот тело ледяными иглами, жег глаза. Такие знакомые, почти родные ощущения. А я-то думал, что все в прошлом. Как бы не так! Стоило явиться в мой дом незванным гостям, стоило увидеть женское тело. Узкую спину и разметавшиеся волосы. Зачем только пошел к заброшенному крылу? Поддался глупой жалости, не к наглой девице, конечно. К ребенку. Неужели девочка, прячущаяся за юбку этой Софии – дочь брата? А значит, племянница...

От того и кольнула нутро давно забытая жалость, заставила подойти к слабо освещенному окну. Я всего лишь хотел предложить хлеб и сыр для девочки. А в том окне была она – без одежды, закутанная в лунный свет, словно в вуаль. С узкой спиной, золотистой кожей и ямочками на поясице.

Она оказалась не такой. Совсем не такой, как я представил, услышав имя София Лэнг. Ожидал, что увижу девицу во вкусе брата. По крайней мере, раньше он любил девушек

высоких, изысканных и родовитых. Таких, что приезжали в академию с личным водителем, и тот держал бежевый зонтик с оборками, пока хозяйка преодолевала десять шагов до ступенек. Таких, что носили платья приглушенных тонов с тиснонским кружевом по вороту, тонкие перчатки в любое время года и лаконичные жемчужные подвески. Таких, что всегда завтракали яйцом пашот со спаржей и никогда не ели сладости, дабы не испортить фигуру.

Девчонка, стоящая на пороге, точно не вписывалась в любимый формат Гордона. Она оказалась невысокой, больше-ростом, с глазами, цвет которых было не разобрать в сумерках, и явной россыпью золотых веснушек на вздернутом носу. Из-под сдвинутой на бок бархатной шапочки выбивались буйные кудряшки – рыжие даже в сумерках. Платье синее, сверху – малиновая накидка, с белым мехом по краю, на ткани примостилась брошь в виде крупного цветка – яркая, кричащая. Перчаток не было. Жемчуга – тоже.

Трудно поверить, что именно эта особа стала женой моего брата. Гордон всегда выбирал самое дорогое, и каким невысказанным образом причислил к этому Софию – было непонятно. Судя по всему, девушка еще и босячка, раз после расставания с супругом приехала в эту глушь, на развалины старого дома.

В общем, девица вызывала недоумение. Ребенка я не рассмотрел, она пряталась за синюю юбку, и я видел лишь бледную ладошку да край щеки. Лишь по одежде определил, что

это девочка.

Впрочем, мне не было дела ни до самой Софии, ни до ребенка. Я желал лишь одного, чтобы незваные гости как можно скорее убрались из моего дома и не нарушили благословенный покой.

И зачем только подошел к тому окну?

Потому что в свете свечи, с распушенными волосами она оказалась совсем другой. Белая кожа светилась, а золотые веснушки на плечах и спине хотелось тронуть губами, лизнуть, как коричневый сахар на ванильном пирожном. Она вся была словно присыпана солнечными искорками...

В пыльное окно было видно лишь узкую спину, плечи, волосы, но этого хватило, чтобы воображение нарисовало остальное.

И сразу пришла боль, кольнула в виски. Я зашвырнул подношение в кусты и бегом отправился к себе, молясь, чтобы приступ не свалил раньше, чем доберусь до комнаты. Хлопнул дверью, опустил засов, метнулся к комоду. Торопясь, вытащил пузырек, глотнул мутную жидкость. Противная горечь разлилась по горлу словно отравы. Хотя это и есть отравы. Сейчас, сейчас, должно подействовать... Только бы подействовало! Даже вытяжка мандрагоры не всегда справлялась с моими приступами. Боль уже лизала тело изнутри, чуть-чуть – и вцепится зубами, отгрызая куски. И следом навалился страх. Ужас перед предстоящей агонией. Привыкнуть к этому невозможно, как и перестать бояться. Страх –

извечный мой спутник. А все из-за девки! Зачем она явилась сюда, зачем приехала? Ведь я почти научился себя контролировать, почти справился! А один взгляд сквозь мутное стекло – и вот он снова, приступ во всей красе.

Не сдержался, упал на колени, сдавливая руками виски. Казалось, голова вот-вот треснет, разорвется, как переспелый арбуз, и наружу полезут мозги. Или это уже случилось? По ощущениям так и есть. Надо в подвал...

Покосился на ящик комода, желая выпить второй пузырек. Но нельзя. Надо продержаться на одном. Ползком двинулся к лестнице, подняться уже не мог. Тело дрожало, мороз сжирал внутренности, сухожилия и мышцы.

Почему в этой лестнице столько ступенек?

Перевалился через порог комнаты и ногой толкнул дверь. От простого движения внутри снова взорвалась боль, и я взвыл, не сдержавшись. Почти ничего не видя из-за пелены перед глазами, осмотрел печати на руках и груди. Спину, понятно, не видно, но вроде все на месте. Только бы не рвануло...

Агония заставляла кататься по ледяному полу и скулить, но я этого почти не понимал... Лишь билась внутри мысль: «Проклятая девка. Проклятая девка, что явилась сюда и спровоцировала приступ. Чтoб она в помойную яму провалилась...».

***

Проснулась я от голода, что и неудивительно. Осторож-

но отодвинула свернувшуюся под боком Линк и поднялась. Потянулась, выходя из чулана, зажмурилась. Утренний свет заливал холл, и сейчас в нем не было ничего пугающего. Просто захламленное помещение. Когда-то даже красивое. Я рассмотрела узор на штукатурке и сбитую лепнину на потолке. Да, много лет назад это был роскошный дом.

Распахнула окна, улыбаясь. Солнечный свет хлынул, стоило убрать мутную преграду, и словно обнял, наполняя теплом и счастьем. Против воли я тихонько рассмеялась, глядя на заброшенный сад и ряды, на которых когда-то рос виноград. Земля стояла пустая, но из-под нее уже пробивались узкие травинки. В столице еще лежит снег, а здесь невыносимо пахнет весной, столь сладкой, что хочется черпать ее ложкой, словно тягучий мед!

Ну вот, снова я о еде!

Улыбаясь, вернулась к Линк. Будить девочку не хотелось, но я не могла оставить ее здесь одну. Лестница пусть и завалена непонятно чем, но Линк такая любопытная, может и залезть наверх! Ей нравится неизведанное, к тому же, замечтавшись, девочка не всегда понимает, что делает. Как раз перед отъездом из Лангранж-Холла я сняла Линк с подоконника второго этажа. Она улыбалась, рассматривая камни внизу, и на мой испуг лишь пожала плечами.

К тому же... сосед. Станный и страшный. Оставить рядом с ним ребенка я точно не решусь.

– Милая, просыпайся. – Погладила худенькое плечико. –

Ну, давай же, открой глазки.

Линк сонно моргнула.

– Уже утро? – зевая, спросила она.

– Да, моя хорошая, утро. И мы с тобой отправимся в город. Там есть чудесная кофейня мадам Леон, думаю, у нее найдется вкусное пирожное для одной замечательной девочки.

– Пирожное? – Голубые глаза мигом утратили сонную дымку и загорелись. – С кремом?

– Точно, – рассмеялась я. Я дразнила Линк сладкоежкой, за сладости она была готова на все. Так что придется потратить часть вырученных монет на посещение мадам Леон. – Но только если ты немедленно встанешь, умоешься и приведешь себя в порядок.

– Я уже не сплю!

Линк вскочила и пошатнулась, я поддержала ее. Конечно, она шатается со сна, а не из-за болезни... нет-нет! Просто слишком быстро поднялась!

Я пригладила темные кудряшки девочки и улыбнулась.

– Тогда бегом умываться!

Пока Линк сосредоточенно плескалась возле крана и терла ладошками сонную мордашку, я вытащила из сумки второе платье. Оно было тонкое и легкое, в мелкий красный цветочек и с короткими руками. На севере такое не надеть до самой середины лета – слишком холодно. А здесь, надеюсь, сойдет. Мне хотелось света, а платье было ярко-желтым, то

что нужно для поднятия настроения! Теплая малиновая накидка и круглая бархатная шляпка завершили образ.

Через полчаса мы вышли из дверей и оглянулись на Оливковую рощу. Сейчас, в свете утра, я смогла наконец рассмотреть его. Это был добротный двухэтажный дом, разделенный на две половины – северную и южную. Первая казалась более-менее обжитой, хотя и выглядела странно. Светлую штукатурку залепили темные наклейки, темно-синяя краска на окнах и дверях придавала мрачный вид. Казалось, что все здесь сделано без оглядки на красоту и внешнюю привлекательность. Тому, кто приколачивал доски, красил и чинил это жилище, было наплевать, как будет выглядеть его работа. И поэтому сейчас северная половина смотрелась мрачно, пугающе и чуть-чуть нелепо. Словно светлый дом, как и самого дикаря, обезобразили шрамами...

Южная половина и вовсе оказалась заброшенной. На крыше торчал обломок трубы, сама крыша прохудившаяся, в окнах на втором этаже нет стекол, хорошо хоть впереди лето! Стены обшарпанные и густо заросшие диким виноградом, на лозе уже набухают листья. Под черепицей прилепились птичьи гнезда, кажется, пустые. Скрипучая дверь открывается с трудом. Из кухни имеется выход на небольшую террасу – тоже грязную и по щиколотку занесенную прошлогодней листвой.

Да, не такой дом я ожидала увидеть.

– Мы теперь здесь будем жить? – слегка растерянно про-

тянула Линк. При ярком свете наше новое пристанище выглядело удручающе.

– Да, милая. – Я ободряюще сжала ее ладошку. – Не бойся, мы наведем здесь порядок, и здесь станет красиво.

– А я не боюсь, – тихо пробормотала девочка, жмурясь. – К тому же... мне здесь нравится. Южный Ветер говорит, что нам тут будет тепло.

Я обрадованно присела рядом с девочкой. Поправила синюю вязаную шапочку на ее голове.

– Линк, ты ведь помнишь, что я тебе говорила? – Заглянула в прозрачные голубые глаза. – Помнишь? Про... волшебство?

– Да. – Девочка кивнула, закусив губу. – Я не буду так делать.

С трудом сдержала желание прижать ее к себе. Из всех сил, так, чтобы почувствовать биение маленького сердечка. Но не стоит. Линк такие проявления чувств только пугают.

– Идем. – Я поднялась. – Южный Ветер готов к приключениям?

– Да! – подпрыгнула девочка.

Выходя за ограду, я еще раз оглянулась на северную часть дома. Но она стояла темной и безмолвной, наверное, сосед еще спал.

***

Городок оказался совсем маленьким. По словам все того же водителя, здесь проживало всего три сотни человек, по

меркам столицы – очень мало. Тихий и насквозь провинциальный Дэйлиш продувался ветром с берега южного моря и заманивал струйками дыма из аккуратных печных труб. Одно- и двухэтажные домики с красными черепичными крышами были густо оплетены стеблями дикой розы, что уже сейчас темнели листочками. В стороне от города я успела увидеть оливковые рощи, виноградники и пастбища с белыми облачками овец и желтобрюхов, которых разводили на юге.

Возле домиков Дэйлиша теснились палисадники, ярко раскрашенные ставни закрывали окна от яркого южного солнца, согревающего почву. Несколько улочек, опрятные кофейни и магазинчики, памятники предкам на площади. По обычаю королевства на востоке городка – невысокий храм Духов, в котором днем и ночью теплятся лампы, а крышу обвивают огоньки, чтобы заблудшие всегда нашли путь во тьме.

На подоконниках и оградах домов грели пузо толстые коты, которых здесь оказалось в изобилии, на крышах вертелись забавные флюгеры, изображающие птиц. Маленький, сонный, провинциальный городок, лишенный важности столицы и ее высокомерия. Мне здесь понравилось.

Линк с любопытством вертела головой, ее глаза блестели от новых впечатлений.

– Вы заблудились? – окликнул женский голос, и я подняла глаза.

Мы стояли возле кофейни, об этом говорили ароматные

запахи и покачивающееся на цепях изображение чашечки. От нарисованной картинки струился ароматный пар, заманивающий посетителей внутрь. А из распахнутых ставень на втором этаже нас рассматривала женщина. Круглолицая, с веселыми темными глазами и волосами, стянутыми в пучок на затылке. С доброжелательной улыбкой я подошла ближе.

– Я ищу скупщика ценностей. Не подскажете, как к нему попасть?

– Почему же не подскажу, еще как подскажу! – живо отозвалась женщина и махнула рукой. – Вон там старый Грум и живет, там же и посетителей принимает! Все находки к нему и тащат!

– Находки?

– Ну да, осколки. Вы же понимаете?

Женщина понизила голос, а я торопливо кивнула. Осколки. Да, я понимала.

– И что, часто их тут находят?

– Бывает. Не то что на южных границах, конечно, все же мы в стороне от основного пути тех самых... – Женщина нахмурилась и тряхнула головой, снова улыбнувшись. – Да что это я! Меня зовут Марта Леон, я хозяйка этой кофейни. А вы надолго в Дэйлиш?

– Истра Леон! – всплеснула я руками. – Я видела заварку в кэбе, что вез нас сюда! Признаться, все ночь не спала, думая о ваших пирожных. Я обязательно загляну в кофейню на обратном пути...

– Что вы, что вы! – Марта замахала руками. Она вообще была эмоциональной, как и все южане, активно жестикулировала и много улыбалась. Совершенно непохожа на столичных снобов. – Заходите прямо сейчас! На улице ужасный холод! А у меня уже готов кофе и эклеры, вы должны их отве-
дать!

Я рассмеялась, услышав про «ужасный холод». Не знаю, как южанам, а мне утро показалось теплым, я даже покраснела от быстрой ходьбы. Линк схватила мой рукав, отчаянно дергая и шумно сглатывая слюну. Ну, конечно, ведь прозвучало волшебное слово «эклеры»!

Марта махнула рукой.

– Вот и дочь ваша уже готова их попробовать, правда, красавица?

– Да, истра! – жарко отозвалась моя сладкоежка.

Я вздохнула.

– Простите, мадам Леон, но, к сожалению, прежде мне нужно повидать скупщика... Понимаете, дорога была дальней, я слегка истратилась...

– Духи с вами, дорогая, вы о деньгах? Не переживайте, что вы! Я с удовольствием угощу вас!

– Не надо, я заплачу, только вот... – залепетала я, растерявшись. В Кронвельгарде никто не угощает незнакомцев сладостями! Да что там, чужаков в столице и на порог не пускают!

– Входите немедленно, дорогая, вон туда, под вывеску! –

скомандовала Марта, отмахиваясь от моих возражений. – Не вздумайте сбежать, иначе я помчусь за вами по всей Лавандовой улице, убеждая отведать мой эклер! Соседи решат, что старая Марта совсем выжила из ума!

Я против воли рассмеялась и кивнула. Старой эта энергичная женщина точно не выглядела! За углом дома была еще одна вывеска с изящными загогулинами. «Ваниль и корица» – так называлась кофейня. В стеклянной витрине глянцево блестели шоколадом лакомства, вызывая обильное слюноотделение у прохожих. Над дверью гостеприимно звякнул колокольчик, когда мы вошли. В кофейне было тихо, видимо, основные посетители подтянутся позже. Здесь стояло несколько столов, сладко пахло ванилью и выпечкой. На стенах радовали глаз пейзажи с изображением лавандовых полей и виноградников, в углу висела лестница на второй этаж. Очевидно, как и многие владельцы магазинов и кофеен, хозяйка жила здесь же – в комнате наверху.

Навстречу уже неслась сама истра, и я смогла рассмотреть ее лучше. Высокая и статная, в молодости, несомненно, удивительная красавица. Впрочем, сейчас тоже, хотя морщинки уже разбегались лучиками от глаз женщины, а в темных волосах серебрилась седина. Но это совсем не портило Марту, а лишь добавляло изюминки. Одета Марта была в темно-зеленое платье, сверху белел передник с игривыми оборками.

– А вот и вы! – воскликнула она так, словно ждала нас пару лет.

– Меня зовут София. – Я улыбнулась. – А это Линк.

– Доброе утро, истра, – вежливо произнесла девочка, присев.

Марта рассмеялась.

– Сразу видно, что вы не местные! Здесь все зовут меня по имени, никаких истр! Для этого я слишком молода. Ну, идемте же, кофе уже готов!

Она усадила нас за столик, накрытый красивой скатертью в красную и белую клетку. Из двери высунулся парнишка, похлопал глазами при виде нас.

– Марта, сколько ванильных булок сегодня выпекать?

– Риф, ты спрашиваешь это каждый день! – возмутилась хозяйка. – И всегда я говорю одно и то же! Сколько можно?

– Э, два десятка? – поскреб затылок парень.

– Сгинь! – велела Марта и обернулась к нам.

– Жуткий бездельник! Работает у меня уже год и не знает, сколько ванильных булочек ставить в печь! Лентяй!

– Я все слышу! – заорал с кухни Риф.

– А я говорю правду! – крикнула Марта и закатила глаза. Щелкнула пальцами, и стеклянный купол над лакомствами поднялся, а к нам на стол переместилась тарелочка с эклерами, миндальным печеньем и шоколадными конфетами. Фыркая, как рассерженный кот, всплыл пузатый кофейник, следом – изящный сливочник и тонкие чашечки. Потом, покрутившись над витриной, появилась большая кружка с какао. Все это разместилось на нашем столе, и Линк востор-

женно захлопала в ладоши. Кофейня истры Леон была живой.

– Кушай, милая, не стесняйся, – улыбнулась Марта девочке. На миг кольнул страх, что внимательная хозяйка рассматривает в Линк ненужное. Но Марта лишь снова улыбнулась. Впрочем, переживала я зря, моя крошка ничем не выделяется из толпы детишек. Разве что слишком яркими глазами, так ведь это не преступление.

– Вы тоже.

К счастью Марта уже смотрела на меня. Кофе булькнул, наливаясь в тонкие чашечки, я сделала осторожный глоток и зажмурилась от удовольствия.

– Великолепно!

– Спасибо, дорогая! Знаете, в нашем городе мало кто может оценить хороший кофе! Местные жители предпочитают чай или вино. Так что заходите ко мне почаще! Вы ведь не проездом? Где вы остановились?

Я улыбнулась вопросам, что сыпались из женщины, как мука из дыры в мешке – обильно и без остановки.

– Мы приехали вчера, но, думаю, задержимся в Дэйлише на некоторое время. Линк полезен местный воздух.

Марта понятливо кивнула и, к моему облегчению, не стала уточнять.

– Вы ведь с севера? Из столицы?

– Как вы узнали? – округлила я глаза.

– Просто догадалась. Ну и еще говорите по-другому.

Немного. Значит, я ваш первый друг в Дэйлише! – Она так обрадовалась, словно всю жизнь лишь об этом и мечтала. Право, я слышала о дружелюбии южан, но не ожидала встретить столь яркий пример. – Как там в столице? Что носят? Правда, что король увлечен юной Истрой Блеквуд? А вы видели эти живые картины из светоскопа? Говорят, к нам тоже скоро привезут. Кстати, где вы остановились? Если у истра Орина, то предупреждаю сразу – старик любит приложиться к ягодной настойке! Ну и трубкой своей все комнаты провонял, вряд ли это будет полезно вашей дочери. Хотя, не спорю, дом у него удобный...

– Нет, мы будем жить в Оливковой роще, может, вы знаете этот дом.

Марта осеклась и застыла, глядя на меня.

– В Роще? Вы что же... – Ее голос упал до шепота. – Поселились у... дикаря?

Я как можно беззаботнее пожала плечами. Вдаваться в подробности даже с этой чудесной женщиной пока не хотелось.

– Да.

– Помогите вам Духи предков! – охнула Марта.

Чайник и сливочник взволнованно взлетели над столом, тарелка с печеньем запрыгала по скатерти. Кстати, о печенье. Я незаметно погрозила Линк пальцем. Кажется, пока мы болтаем, эта пронира запихивает в рот уже третье. Как бы ей плохо не стало! И снова улыбнулась Марте. Похоже, хозяйка даже растеряла свою разговорчивость от такой новости.

– Все не так уж и страшно, – пробормотала я. – Дом, конечно, в плохом состоянии, но крыша и стены есть, это главное. А с остальным мы потихоньку разберемся...

– Да при чем тут дом! – воскликнула Марта. – Хотя и это тоже ужасно... Он ведь совершенно мертв! Кошмар! Но вы что же... станете жить под одной крышей с этим... этим... с Шерхом Хенсли?

Шерх Хенсли. Ну, вот я и выяснила имя своего соседа. Сплетничать мне не хотелось, не люблю собирать сведения о человеке у других людей. Но... вряд ли сам Хенсли поведает мне свою биографию.

– Вы его знаете? – осторожно спросила я.

– Плохо. – Марта по-прежнему хмурилась. – Иногда он покупает у меня хлеб. Ржаной. Больше ничего не берет. Знаете, Софи... это страшный человек! Ни разу даже не попробовал мои сладости. Только ржаной хлеб и все.

Я улыбнулась.

– Конечно, дело не в сладостях, – продолжила Марта. – Просто... Что-то с ним не то, с этим Шерхом! Держались бы вы от него подальше.

Я качнула головой, делая глоток ароматного кофе. Задумчиво откусила шоколадное печенье, жмурясь от удовольствия. Что я могла ответить доброй Марте? С удовольствием держалась бы подальше, вот только... у меня нет лишних денег, чтобы снимать жилье в городе.

– Давно он там живет?

– Да уже лет семь. – Хозяйка поправила белоснежный круглый воротничок. – Знаете, Софи, я не хочу, чтобы вы думали обо мне, как о старой перечнице, сующей всюду свой любопытный нос. Хотя, в этом и есть доля правды, – подмигнула она, но вновь стала серьезной. – Однако я не прощу себе, если с вами или девочкой что-то случится. Вы обе такие милые, у меня, знаете ли, нюх на хороших людей! Но не о вас речь. Об этом... человеке. Я помню день, когда он пришел в наш город. Пешком пришел. Сапоги сбитые, одет в потертый плащ на меху, а дело было летом... У нас сады цветут, виноград зреет, а он словно на зимовку собрался. В руках – трость. Хромал сильно. Косматый весь, жуткий... и глаза такие... Мертвые у него глаза, Софи! И поселился в Оливковой роще. Знаете, в Дейлише мы все на виду, все про всех знаем. Конечно, такой человек вызвал множество пересудов, госпожа Кнор собрала соседей, они напекли пирогов и отправились в гости, знакомиться. И знаете что?

– Он не пустил их? – хмыкнула я, догадавшись.

– Велел убираться вместе со своими пирогами. Сказал, что если кто-нибудь переступит порог его дома, он всадит тому порцию свинца в... мягкое место. И плевать ему, мужчина то или женщина!

Я покачала головой. Повезло мне с наследством!

– А мы же помочь хотели! Дом обустроить, там же развалины одни были!

Марта обиженно поджала губы.

– Первый год он так и жил – в разрушенном доме. Кажется, даже без стекол. И с обвалившейся крышей. Словно и не человек вовсе, а дикий зверь! Я из жалости как-то отправила корзину со сладостями, записку написала, мол, обращайтесь за помощью... – Марта нахмурилась. – Корзину он вернул, даже свертки не открыл, представляете? Ни один. И ответить не удосужился. Просто вернул, как было, и все. Грубиян! Потом Фирс, это градоначальник наш, сказал, что обустроивается дикарь. Камни начал таскать, дым над домом повалил... Иногда его встречают охотники, но и с ними он почти не разговаривает.

– Значит, в Дейлиш он не приходит?

– За год пару раз был. А в основном все ему доставляется магической транспортировкой. Даже мой хлеб.

– Может, он нелюдим? – предположила я. – Мало ли...

– Отшельник настоящий! Людей он просто ненавидит, Софи! – всплеснула руками Марта. – К тому же... мне кажется, чем-то болен.

Этого мне только не хватало!

– С чего вы взяли?

Марта задумчиво переставила на столе чашки, словно не зная, стоит ли говорить.

– Люди вой слышали. Пару раз. Как-то истр Люнбер собирал грибы недалеко от Оливковой рощи. А потом Истра Фран – землянику... Так вот, оба бежали оттуда, сверкая пятками, потому что в доме был кто-то. Да так, что волосы

на голове вставляли.

Я поежилась, осмысливая новости. И как мне к этому относиться? Может, все это сплетни и домыслы? Сказки про того, кто не хочет общаться с горожанами? То, что сосед не образец дружелюбия, я уже и сама поняла. Только выбора у меня все равно нет.

Хозяйка кофейни почувствовала мое настроение и сменила тему, хотя беспокойство в темных глазах осталось. Мы еще немного поговорили о столице, а потом я попрощалась, решив, что, если задержимся, Линк уничтожит все сладости на столе! На губах девочки темнел шоколад, так же как и на щечках. Глаза сияли, и мне это совсем не нравилось. Как бы не начала Линк сиять по-настоящему, тогда нам точно перестанет улыбаться отзывчивая Марта! Поэтому я еще раз уверила, что занесу деньги, как только получу их у скупщика, и двинулась к двери.

– Не вздумайте! – рассердилась мадам Леон, да еще и вручила Линк коробочку с пирожными. Конечно, моя сладкоежка мигом ее схватила, попробуй теперь отбери! – Не обижайте меня, Софи! Мне было приятно угостить вас с дочерью! Такая очаровательная малышка! Прошу, заходите ко мне почаще!

– С удовольствием, – искренне сказала я.

Пока мы гостевали у Марты, улица ожила, и по ней пошли горожане, поехали велокаты и заурчали кэбы. На углу вертелась вывеска, сообщающая, что совсем скоро в город

прибудет светоскоп, сонный мальчишка в соломенной шляпе размахивал утренними газетами. А еще мяукали коты, лаяли упитанные собаки, и одуряюще пахло землей и солнцем. Линк сладко щурилась, и я даже не стала ее ругать за стянутое печенье, что сейчас выглядывало из кармана. Хотя и было неудобно перед истрой Леон. Как только обустроюсь здесь, обязательно сделаю доброй женщине какой-нибудь подарок!

Ее слова насчет соседа слегка омрачили это чудесное утро, но я решила выкинуть их из головы. Но имя так и вертелось там. Шерх Хенсли...

Скупщиком оказался сутулый и плешивый мужчина весьма непрезентабельной внешности, которая компенсировалась честностью. Его дом был таким же, как хозяин, – крижистым, приземистым, подозрительно поглядывающим на улочку небольшими, но чистыми окошками.

Дом осмотрел и меня, стекла блеснули, как стариновское пенсне. Но впустил, открыл дверь и даже гостеприимно сунул под ноги разношенные тапки.

– Входите, – донесся из кабинета голос хозяина. – Можно и в обуви, не обращайтесь внимания!

Мы с Линк переглянулись, дом недовольно поскрипел-побурчал половицами. Тапки я все-таки надела и прошла на голос.

За мое обручальное кольцо скупщик дал вполне приличную сумму и даже, опустив глаза, пообещал, что придержит

его на случай, если я решу выкупить. Я сдержанно поблагодарила, не став говорить, что это украшение не имеет для меня никакой ценности. Напротив, я лишь рада избавиться от напоминания о своем замужестве. Потому что воспоминания ранили, жалили роем ядовитых ос, и думать о жизни, оставленной в столице, мне совсем не хотелось.

В городе мы с Линк проторчали до полудня, пришлось обойти множество магазинчиков, покупая то, что понадобится в первую очередь. Устав ходить по живописным улочкам, мы перекусили в небольшой закусочной, где нам подали сливочный грибной суп с крошечными сладкими луковичками, багет с козьим сыром и оливковым маслом, а также вкуснейший ягодный морс. Рядом располагался магазинчик местного мага – сухого и поджарого истра Лютера, что не только организовал нам магическую доставку всех покупок, но и в подарок вручил «Путеводитель по самому прекрасному городу Дейлишу», а также вертушку для Линк. Игрушка привела девочку в восторг, хотя и была совсем простенькой – на светлой палочке крутились разноцветные всполохи, разлетаясь искорками на ветру. Обычная бытовая магия, но моей крошке пришлась по нраву.

Так что в Оливковую рощу мы возвращались довольные и сытые, радостно хохоча и поглядывая на плывущую рядом поклажу. Магом истр Лютер оказался слабеньким – свертки и ящики теснились и натывались то друг на друга, то на нас, то замирали на месте, то начинали кружиться, словно

засмотревшись на косяки птиц, летящих по небу. Верно, тоже возомнили себя утками! Больше всех старался взлететь к облакам медный таз. Пару раз нам с Линк приходилось его ловить, когда вредная посуда упрямо отбивалась от покупок. Но, слава Духам, до дома доползли в полном составе, не потерявшись по дороге.

И на том спасибо!

Возле каменной стены я напряглась, почти ожидая, что мы вновь не сможем попасть внутрь. Но пронесло. Створка легко открылась, а северная часть дома по-прежнему оставалась безмолвной и словно вымершей. Оттуда не доносилось ни звука. То ли сосед по-прежнему спал, то ли покинул дом, пока нас не было.

Я лишь пожала плечами, решив, что чем меньше мы с ним будем видеться, тем лучше.

– Ну что, милая, готова поработать? – спросила, входя в дом. Сумки с покупками опустились на пол, а над ними раздался щелчок, говорящий об окончании магического воздействия.

Линк засучила рукава и улыбнулась, демонстрируя щербинку между зубов.

– Да! Что мы будем делать?

– Обустраивать наш дом! – обрадовала я, осматривая фронт работы. Надо признать, он оказался внушительным, но меня этим точно не испугать!

До самого вечера мы с Линк мыли, стирали, таскали, про-

тирали и снова мыли! Девочка помогала изо всех сил, пыхтя и сопя, правда, толка от этого было мало. В основном Линк больше пачкалась сама, чем помогала мне, но зато нам обеим было весело. Поначалу мы нервничали, поглядывали на замершую северную половину дома, но в ней по-прежнему не было ни малейшего признака жизни. И уже через пару часов мы осмелели и почти забыли о странном соседе. Я даже начала напевать, стирая со стекол пыль и радуясь этому солнечному дню, столь отличающемуся от северной сумрачности, и этому старому дому, пусть и неприглядному. И будущему, которое у нас с Линк обязательно будет! Сегодня я как никогда в это верила. Наверное, потому что Линк раскраснелась от работы и смеялась, брызгая на меня водой, потому что теплый ветер приносил запах цветов и потому что мы обе были сыты. Чем не повод для настоящего счастья?

К вечеру наша половина дома сияла чистыми до скрипа стеклами и радовала полным отсутствием пыли и паутины. Подняться по разрушенной лестнице я не рискнула, зато обнаружила под чехлами и холстинами мебель. На кухне стояла добротная, хоть и громоздкая плита, в углу темнел очаг, обогревающий дом зимой, также имелись основательные шкафы, стол на гнутых ножках и стулья с высокими спинками и резьбой на дереве. В основной комнате стоял диван, кушетка, два потертых кресла и изящный комод с латунными ручками. А рядом – кресло-качалка с плетеным сидением, которое тут же облюбовала уставшая, но довольная Линк.

Когда начало темнеть, я накормила девочку лепешкой с сыром, решительно отобрала печенье, искупала в тазу, что мы купили, и отправила спать на диван.

Сама же после водных процедур накинула шаль и вышла на порог. Прислонилась к косяку, закинула голову. В Кронвельгарде небо низкое, серое, всегда затянутое свинцовой хмарью. А здесь – словно бархатный купол, на котором медленно зажигаются золотые огни.

Постояла так, рассматривая небосвод, покосилась на темную половину соседа. Ни звука. И пожав плечами, тоже отправилась спать.

Глава 3

Ужасный, ужасный Злыдняклюд, вздыхал Заяц.

И что делать маленькому пушистому зверю? Заячья порода требовала спрятаться или убежать. Ведь он такой крошечный, а у Злыдняклюда такие большие когти...

Очнулся от жуткого холода. По ощущениям у меня отмерзли ноги и вся нижняя часть тела. Вот так и казалось – опущу взгляд, а там расколотые куски льда, все, что от меня осталось. Холод – мой постоянный спутник, как и боль. И когда уже закончится эта бесконечная зима? От нее не спасает ни меховая одежда, ни жар южного солнца. Зима у меня внутри – лютая и беспощадная. Вечная.

Ну и к тому же подвал. Холод снаружи и холод внутри – это уж слишком.

Какого жрота я залез в подвал?

Кряхтя как столетний дуб и не чувствуя тела, я перевернулся, поморгал, рассматривая низкие каменные своды. Подземелье здесь основательное, сделанное для хранения бочонков с вином и прочих запасов. В углу и правда стоят ящики с какой-то едой, но чаще это место используется для того, чтобы я не сошел с ума. Ну и чтобы случайно заблудившиеся горожане не слышали воплей.

Снова моргнул, пытаюсь вспомнить события, приведшие меня на этот стылый пол. Девчонка. Вернее, две. Одна взрослая и рыжая, другая мелкая и глазастая. Обе одинаково неприятные. И голая спина за стеклом. Вот почему я сейчас пытаюсь доползти до лестницы, ощущая тошноту, ужасающую слабость и отголоски боли. Благо, мандрагора подействовала, и приступ закончился. Значит, у меня есть немного времени. Перерыв перед следующим. Моя боль хитрая и изворотливая, она не нападает два раза подряд. Неинтересно ей кусать меня вот такого – почтидохлого. Нет, она подождет, пока я наберусь сил, пока окрепну достаточно, чтобы выть и кататься по полу.

Иногда мне кажется, что боль живет и разумнее меня.

Шипя и ругаясь, я вполз на ступеньку, потом вторую. Живот свело от голода, но я точно знал, что сейчас не смогу съесть ни крошки. Надо подождать. Интересно, сколько прошло времени на этот раз?

Цепляясь за предусмотрительно натянутый канат с узлами, я добрался до холла и рухнул на светлые доски пола. Полежал, отдыхая. По стеночке поднялся, доковылял до комода, вытащил еще один пузырек, глотнул. Посидел на полу, моргая и втягивая воздух. Заставил себя встать. Надо размять окоченевшее тело, иначе совсем замерзну. Походил по комнате, натыкаясь на стены, добрался до двери. Засов на створке надежно отделял меня от внешнего мира, поднял его с трудом. Оперся на стоящую тут же палку. И зажмурился,

когда в лицо хлынул солнечный свет. Утро. Интересно, какого дня?

Хмыкнул и, запахнув свою куртку, побрел в сторону сада, там стоят солнечные камни, у которых можно хоть немного погреться. Но, увы, до них я не дошел. Потому что наткнулся на девчонку. Ту, которая взрослая. Она нагло раскапывала землю возле ограды, рыхлила ее вилами и даже улыбалась. Наверняка замышляла посадить какую-нибудь гадость вроде цветов.

Увидела меня, охнула и застыла, вытаращив глаза и схватившись за вилы. Я окинул ее внимательным взглядом. Сегодня рыжие кудри завязаны пучком на макушке, шляпки нет. Руки оголены до локтей, да и подол цветастого платья заткнут за пояс, открывая край панталон, стройные ноги и разношенные ботинки.

Вроде и одета для работы, а все равно – слишком яркая. От огненной макушки до желтых носков, что торчат из ботинок. Вся сосредоточие цвета – зеленый, красный, синий, желтый... у меня даже в глазах зарябило. Уставился на ее колени – бледные.

Поняв, куда я смотрю, девчонка пискнула негодующе и дернула платье, закрывая ноги. Я перевел взгляд на ее лицо. Значит, не ошибся, действительно веснушки. Золотистые, по всему носу и на щеках. А глаза светло-карие, с крапинками, словно тоже – веснушками. И да, совсем эта особа не во вкусе Гордона. Хотя он мог и измениться – вкус. Все-та-

ки слишком давно мы не виделись с братом. Он не спешил навестить неудачника и отшельника вроде меня. Думаю, он был бы рад и вовсе забыть, что на фамильном стяге есть такое позорное пятно, как я.

Что ж, где-то я был с ним согласен.

– С вами... все в порядке? – дрожащим голосом спросила девушка. София. Так ее зовут. Облизала сухие губы, нахмурилась, не спуская с меня взгляда. Занятная. Обычно никто не смотрит мне в глаза. В редких случаях, когда приходится посещать Дейлиш, я вижу, как горожане торопливо переходят на другую сторону улицы, стоит увидеть меня, разбегаются, как крысы при виде бешеной лисы. Хотя я их не виню. И понимаю. Но давненько никто не пялился мне в лицо вот так – остро, внимательно и без доли стеснения. Девушка оказалась наглой.

– У нас есть еда, – неожиданно сказала она, все так же глаза на меня. – Не много, но... и горячий чай! И даже печенье. Хотя нет, печенье Линк уже слопала. Зато остались сыр и кусок пирога. Если хотите, если...

– Убирайтесь, – оборвал я. Получилось со свистом, словно куском деревяшки по стеклу. Внутри от ее предложения снова взметнулся холод, хоть я и знал, что слишком рано для нового приступа.

Рыжая опешила, моргнула.

– Но ведь...

– Я сказал, убирайтесь. – Сделал к ней шаг, нависая свер-

ху. – Вы глухая? Или глупая?

– Но я... – Она вдруг выпрямила спину и сверкнула глазами. Как кошка, надо же. – Мы никуда не уйдем! Можете хоть обвыгоняться!

Обвыгоняться? Эта особа не знает, что нет такого слова? Сдается мне, Академию Изящной Словесности Кронвельгарда она не заканчивала.

– Я позволил вам тут остаться на ночь, – прохрипел я. – Теперь же собирайте свои пожитки и выметайтесь по-хорошему! Ясно вам?

– Мы останемся в этом доме! – Голос слегка дрожал, но девица продолжала сверкать глазами. Будто меня можно этим испугать. Или вилами, которые она так воинственно держит! – Мы никуда не уедем, потому что имеем право здесь жить. Так же, как и вы, истр Хенсли!

– Успели навести справки? – оскалился я.

– Я поговорила с градоначальником, – ее нос задрался еще выше, хотя куда уж выше-то!

Надеюсь, Фирсу хватило ума не распускать язык?

– Ваше проживание в доме совершенно законно, – торопливо добавила девушка. – Вы же понимаете, я должна была... убедиться, что вы не какой-нибудь забулдыга...

Забулдыга? Точно, никакой академии. И, увы, я гораздо хуже обычного бродяги, залезшего переночевать.

– Я не знала, что здесь кто-то живет, – тихо и как-то растерянно закончила она. – Мне никто не сказал. Поверенный

утверждал, что дом пустует. Вы родственник кого-то из рода Лангранж?

Имя ударило меня наотмашь, едва на ногах устоял. Не думал, что станет так больно. Пора бы и привыкнуться уже, а вот же...

Она осеклась и уставилась на меня, закусив губу. Я усмехнулся – недобро и криво.

– Я не имею отношения к этому роду.

– То есть как это? А дом...

Ее рот приоткрылся от удивления. Право, эмоции этой рыжей можно было разливать по банкам и рассматривать, как ценные экспонаты. На каждую реплику – живой ответ. Давно я таких не встречал. Хотя я вообще давно не общался с людьми. И впредь не собираюсь.

– Убирайтесь отсюда, – повторил я. – Лучше по-хорошему.

– Вы что же... угрожаете?

Голос девчонки снова дрогнул.

Я, может, и проникся бы, да не стал.

– Именно. И сделайте это сегодня же.

– Мы. Никуда. Не уедем, – раздельно произнесла она.

– Вам же хуже, – искренне предупредил я.

Отвернулся и пошел к солнечным камням. Дрожь сотрясала тело, и мне не хотелось, чтобы рыжая это увидела. Скривился, осознав. Духи, да плевать мне на ее мнение. И на нее плевать. Наглая особа уберется из моего дома, не пройдет и

недели. Это я обещаю.

***

Духи предков, спасите и помогите! Он просто ужасный.

Я без сил прислонилась к стене, не сводя взгляда с удаляющейся мужской фигуры. Когда он подошел, заслонив собой солнечный свет, я чуть не заорала. Так увлеклась мыслями о травах, что посажу возле ограды, что не заметила приближения чужака. Благо, не закричала, вот был бы позор! Хотя кто меня осудил бы, глядя на жуткое осунувшееся лицо с запавшими черными глазами, шрамом и клокастой бородой?

Волосы Шерха если и были черными, то сейчас это было мало заметно, его патлы напоминали свалывшуюся собачью шерсть. Возле левого глаза белел рубец, отсекающий и кусок брови. Губы белые, словно бескровные, и в то же время – обветренные. И еще мужчина оказался высоким, гораздо выше меня. Только ужасно худым. Это было видно, даже несмотря на толстую куртку с меховой подкладкой.словно он год голодал! Или больше! Может, поэтому я и решила предложить ему чай? К тому же за три дня в доме я не раз поглядывала на северное крыло, гадая, куда делся сосед. И была уверена, что уехал, не может же человек трое суток сидеть безвылазно? А оказалось – может.

Вот только стоило предложить угощение, как в темных глазах блеснула ярость, испугавшая меня до колик!

Хвала Духам, Линк уснула и не видела этого дикаря! Сейчас, глядя на его сутулую спину, я с ужасом думала, что нам

делать дальше. Чутье подсказывало, что добрососедских отношений у нас не получится.

– Значит, война, – пробормотала я, стискивая вилы.

За наше с Линк будущее я буду драться до последнего вздоха! И этот дикарь еще не знает, с кем связался!

***

На солнечных камнях меня слегка отпустило. По крайней мере, я теперь не трясся от холода как припадочный. Круглые булыжники пришлось носить в течение месяца с подножия гейзера, странно, но даже купленная у городского мага розовая транспортировка на камни не подействовала. Хотя ничего странного, если бы я вспомнил раньше о природе этих булыжников, то не стал бы тратиться на мага. Как бы там ни было, солнечные камни я возил в приспособленной для этого телеге, впрягаясь вместо лошади. Потому что на тягловую силу денег у меня тогда не было. Месяц таскал, месяц складывал чашу, в которую можно улечься целиком. Увы, после некоторых событий в моей жизни назвать меня сильным или выносливым язык не поворачивался. Да и быстрым – тоже.

Зато теперь вид ровненьких и гладких, как стекло, камней вызывал неизменную улыбку. Ну и предвкушение, само собой. Я торопливо стянул одежду, подпрыгивая с ноги на ногу и вздрагивая. Раздеваться, когда от холода зуб на зуб не попадает, очень неприятно. Но я точно знал, что солнечные камни работают лучше при соприкосновении с голой кожей.

Так что я терпел, скрипя зубами. Влез в чашу, вытянулся. Миг, другой... Блаженное тепло лизнуло кожу, а потом просочилось под нее, впитываясь, как оливковое масло в каждую пору. Я зажмурился, согреваясь и расслабляясь, испытывая почти болезненное удовольствие от жара камней. Они отдают тепло в любое время года и в любую погоду, стоит лишь улечься на их гладкие маслянистые бока. Один минус – работают булыжники только на открытом воздухе. А то я подумывал перетащить чашу в дом.

После часа лежания я согрелся достаточно, чтобы начать соображать. И снова подумал о рыжей, нагло вторгшейся в мою упорядоченную жизнь. Я даже сделал мысленную ставку на то, сколько она продержится в Оливковой роще. Два дня? Или целых три?

К дому я возвращался в хорошем настроении, все же, когда ничего не болит – это уже повод порадоваться. Правда, оно быстро сменилось злостью, стоило увидеть, что сделала рыжая во время моего отсутствия. Двор оказался разделенным на две половины бороздой, вдоль которой торчали палочки и была натянута красная нитка. С моей стороны имела картонка с надписью: «Здесь ваша часть дома!». А за нелепой преградой вторая картонка с грозным: «Наша часть дома, не надо здесь ходить!».

Я гневно пнул эту хлипкую конструкцию, и тут же из окна – чистого до неприличия – высунулась кучерявая рыжая голова.

– Все, что находится на нашей половине, принадлежит нам! – заявила эта... София. – Так что будьте добры, истр Хенсли, оставьте в покое этот предупреждающий знак!

– Вы издеваетесь? – рявкнул я. – Это что еще за ниточки? Голова исчезла из окна и появилась в двери. Вместе с телом, разумеется. Подол на этот раз оказался на месте, из-за чего я испытал приступ сожаления.

– Это граница! – торжественно объявила эта пигалица. – Между нашими половинами дома. Вы не заходите на мою, а мы на вашу. Договорились?

– Даже не мечтайте. В своем доме я буду ходить везде, где захочу.

– Ах так! – Она уперла руки в бока. – Тогда я тоже буду ходить везде! Линк, возьми одеяло, теперь мы будем жить на северной половине! Сдается мне, там гораздо удобнее!

– Только суньтесь в мою дверь! – прорычал я. – Пристрелю.

– Вы неотесанный грубиян! – взвилась девушка.

Я довольно кивнул. Надеюсь, эта выскочка уяснила мою позицию. Пнув напоследок столбик с табличкой, я ушел к себе.

***

Не-на-вижу! Ненавижу этого мужлана, этого отвратительного дикаря! Ну почему мне так не везет?!

В очередной раз топнув ногой, я упала в кресло. Линк бросила на меня сочувствующий взгляд.

– Интересно, он правда способен выстрелить в человека или лишь пугает? – пробормотала я, обращаясь к кушетке. Та, понятно, промолчала, что и к лучшему.

– А мы будем сажать зернышки?

Линк присела у моих ног, с надеждой глядя в лицо. Я пригладила ее кудряшки. «Сажать зернышки» – мечта моей девочки, она ждет этого события с той минуты, как мы сели на пароход. Я даже потратила часть монет в небольшой лавке Дейлиша, где закупила семена, которые продавец заботливо сложил в бумажные свертки и подписал. Мята, тимьян, розмарин, базилик, шалфей, лаванда... У меня голова закружилась от всех этих названий. Я всю жизнь провела в Кронвельгарде и ничего не знала о травах. Я даже не могу отличить розмарин от чабреца! Но Линк уже смотрела на меня круглыми глазами, а над головой девочки появилось легкое мерцание, что говорило о высшей степени ее нетерпения.

Так что, погасив сияние, мы отправились к ограде, где я утром разрыла кусок земли. На пороге я боязливо покосилась на половину дикаря, но его дверь снова оказалась закрыта.

– Итак, приступим. – Я присела и торжественно вытащила первый бумажный сверток. – Держи, Линк. Это мята, как утверждает надпись.

Высыпала на ладошку девочки мелкие темные семена, и та зажмурилась, словно получила как минимум бриллианты.

– Мя-та, – по слогам с благоговением произнесла она.

– Точно, – улыбнулась я, глядя как осторожно Линк укладывает семена в неглубокую траншею. Потом мы сажали тимьян, после базилик, а затем я выронила пакетики, и все смешалась! Так что мы уже не были уверены, что именно насыпаем в канавки. Линк от усердия высунула язык, земля теперь была на всей ее рожице, ушах, одежде и в волосах. Я выглядела не лучше, потому что временами мы забывали о травах и начинали дурачиться. По правде, я вообще не верила, что эти семена взойдут. Надо ведь хоть что-то знать и уметь, а не просто бросить их в землю? Но Линк эта игра нравилась, а я потом придумаю, как объяснить отсутствие всходов. Или через пару недель здесь сам по себе вылезет какой-нибудь сорняк, который можно будет выдать за плод нашего неумелого труда!

Иногда я поглядывала на окна соседа, но ни движения, ни света не видела. Интересно, чем он там занимается? Или сидит в засаде, ожидая, когда я покушусь на его собственность?

Мысль развеселила, хотя ничего смешного в этой ситуации не было.

Под конец нашего копания в земле мы с Линк стали похожи на двух болотных чудовищ из книжки девочки.

– Духи, главное теперь – отмыться, – хмыкнула я и шлепнула девочку. – А ну живо в дом! Купаться, ужинать и спать!

– Но тут еще одно зернышко! – попыталась воспротивиться Линк.

– Живо! – скомандовала я. Да, теперь придется стирать

всю одежду, но зато девочка выглядит совершенно счастливой, и ради этого я готова целый день копать в земле!

Однако на кухне нас ждал сюрприз. Неприятный. Кран фыркнул брызгами, когда я повернула вентиль, и больше не выдавил из себя ни капли. Воды не было.

Я тихо ругнулась, правда, про себя. Покрутила вентиль снова, попыталась заглянуть в отверстие крана.

– Теперь мы будем спать грязные? – обрадовалась Линк.

– Даже не надейся. Я сейчас все исправлю!

Стараясь выглядеть перед девочкой бодрой, я вышла на порог и обошла дом, разыскивая водопроводные трубы. Их я нашла и даже постучала по железу, пытаясь понять, что делать дальше. От моего стука вода в кране не появилась. Земля засыхала на лице и руках коркой, отчего кожа начала чесаться. Я сделала еще один круг, надеясь на чудо, вернее, на то, что кран как-то оживет сам собой. Увы, этого не случилось. И когда я уже готова была отчаяться, вспомнила!

– Колодец!

Точно, я ведь видела за домом колодец! Да, таскать воду в ведре – то еще удовольствие, но вымыться-то надо! А завтра я схожу в Дейлиш и найду кого-нибудь, кто починит водопровод.

– Сиди здесь, – велела я Линк, подхватила ведро и отправилась к колодцу.

Мне удалось сдвинуть деревянную заслонку, закрывающую воду, и даже прицепить на крюк ведро, когда сзади

щелкнул взводимый курок и раздался ненавистный голос.

– Так-так, истра Лэнг. Кто-то нарушил установленные границы? Кажется, вы сами провели их? Как некрасиво.

Я обернулась, прижав к себе ведро и очень надеясь, что у меня слуховые галлюцинации. Увы-увы. За спиной стоял Шерх Хенсли и весьма демонстративно целился в меня из двустволки. Я шумно сглотнула, пытаюсь не завизжать. Ну не пристрелит же он меня из-за колодца?

– У нас закончилась вода, – выдавила я. – В кране. Наверное, с ним что-то случилось... а мы изрядно перепачкались...

Он демонстративно поднял бровь. Ту самую, разделенную шрамом. Выглядело это жутковато.

– Послушайте! – Я облизала губы и почувствовала вкус земли на них. – Мне просто нужно пару ведер воды! Вам что, жалко?

– Вы сами решили провести границу. Уходите.

Он повел двустволкой, я подпрыгнула.

– Да вы сумасшедший! – не сдержалась я. – Мне просто нужна вода! Два ведра!

– Нет.

– Одно ведро!

– Если не уберетесь, я выстрелю.

Еще одно движение, и, не выдержав, я взвизгнула и отпрыгнула в сторону. На свою половину!

Сосед улыбнулся, отчего мне стало еще страшнее. Духи,

да я поселилась рядом с безумцем!

– Вы ненормальный!

– Точно, – ухмыльнулся он. – Так что валите отсюда.

Я сузила глаза.

– Та-а-ак... а не вы ли перекрыли мне воду, а, истр Хенсли?

Он хмыкнул, не отрицая.

– Ах так!

Ярость или временное помешательство заставили меня зашипеть, а потом швырнуть в этого мерзавца ведро. И тут же бросилась бежать, пока этот дикарь ругался позади так, что у меня уши вяли. Добежав до своей двери, я захлопнула створку и без сил сползла на пол.

– А где ведро? – удивилась Линк.

– Потеряла, – пытаюсь не всхлипывать, сказала я. И ведро, и свою голову. Додумалась же кинуть посудину в этого мужлана! А если бы он выстрелил? Что стало бы с Линк?

– Не плачь.

Линк тихонько подошла ближе и встала на коленки. Погладила меня грязными ладошками по щеке.

– Все в порядке, милая, я не плачу! Просто быстро бежала.

– А зачем? – заинтересовалась она.

– Удирала от Злыдняклюда, – буркнула я, поднимаясь.

– Злыдняклюд здесь? – вытаращила глаза Линк.

Я кивнула, думая о своем.

– Угу, живет по соседству. К сожалению. Так что будь

добра, не ходи на его половину. Поняла меня?

Линк кивнула, блестя глазами. Персонажи ее любимой книжки не раз выручали меня. Надеюсь, Злыднякнут удержит девочку от ненужного любопытства.

– И что, теперь мы будем ходить грязные?

– Ну уж нет, – насупилась я. – Спать мы ляжем чистыми, я тебе обещаю!

Купание в дождевой бочке трудно назвать гениальным решением. Вода в ней была не слишком чистая и, на мой взгляд, больше размазывала грязь по телу, чем смывала ее. К тому же, дождь шел несколько дней назад, и воды было мало. Но я решительно ее нагрела, вымыла Линк и кое-как обтерлась сама. После такой сомнительной процедуры кожа стала пахнуть торфом, а на волосах обнаружили травинки и листики.

И это не способствовало моему успокоению.

Уложив зевающую Линк в кровать и прочитав ей положенную сказку, я погасила свет и замерла у двери. Ночь уже мягко обнимала Дейлиш, освещая Оливковую Рощу светом невероятных звезд. Накинув шаль, я тихо выскользнула из двери.

Вернулась через пять минут и улеглась рядом с девочкой, удовлетворенная.

Глава 4

... не только когти, но и клыки! А Заяц совсем один!
«А я? – обиделся налетевший Ветер. – Я ведь с тобой...»

Проснулся я вполне довольным. Камни вернули телу тепло, боль отпустила, наглая и рыжая уже наверняка собрала вещи и убралась в город, чтобы найти свободный кэб. Туда ей и дорога.

Скатился с кровати, потянулся, разминая затекшие мышцы. Сегодня даже кошмаров было меньше обычного, и просыпался я всего-то четыре раза за ночь. Ерунда.

Почесал подбородок, густо заросший растительностью. Когда-то я думал, что борода греет, оказалось, нет. Особенно если холод внутри. К Духам холод, надо заняться делами. Поправить кладку в заборе, сходить на охоту, провести гейзер. Скоро он проснется, и я хочу это увидеть. Натянул привычные кожаные штаны, теплую байковую рубашку, свитер, куртку, шапку. Замотал шею шарфом, сунул ноги в ботинки на меху. И открыл дверь. Ну, вернее, попытался, потому что створка не поддавалась. Ругнувшись, я надавил сильнее. Бестолку. Почесав затылок, я догадался распахнуть ставни и осмотреть свою дверь. В латунную ручку были продеты вилы, не дающие створке открыться.

Рыжая. Наглая. Зараза!

Выругавшись уже с чувством, я осмотрел окно. Конечно, надежно законопаченное, глухое. Я всегда берегу тепло и не вижу смысла открывать окна и создавать сквозняк, тем более зимой. Так что теперь открывал, скрипя зубами и обещая убить мерзавку, как только выберусь наружу. С трудом, но удалось отодрать оконную замазку и распахнуть створки. Перекинул ноги, спрыгнул вниз, благо – невысоко.

– Гадина-а-а!!! – взвыл я, падая на спину. Полежал, рассматривая ясное небо и мысленно расчлняя Софию Лэнг. Я готов был поклясться, что слышу хихиканье.

«Кто-то» налил под окна воду, судя по засохшим листьям – из дождевой бочки. Так что утоптанная и твердая земля превратилась в грязную лужу. Ну а потом над этой лужей произнесли заклинание обледенения. Ненавижу лед! Убью рыжую заразу!

– Ну ладно, – проскрипел я, поднимаясь. – Ты еще пожалеешь об этом!

Очень хотелось прямо сейчас выбить дверь южного крыла и придушить истру Лэнг, вот прямо руки чесались. Но я решил, что она не заслужила быстрой смерти. Так что я подожду.

***

Честно говоря, пробуждения соседа я ждала с некоторой опаской. Желание сделать ему гадость появилось под влиянием ярости, ну и еще чешущейся от грязи кожи. А вот

к утру пришло осознание, что я наделала. Я даже тихонько оделась и решила разбить лед под его окнами, потому что обратного заклинания я не знала. Это вообще было одно из немногих плетений, что мне удавалось. Да и то потому, что первокурсники Академии активно развлекались подобными проделками, доставая друг друга. А вот взрослой и разумной женщине, какой я отчаянно пыталась стать, такое совсем не к лицу!

Но исправить содеянное я не успела, дикарь проснулся и начал стучаться в свою дверь. Я замерла за углом, боясь дышать. А потом он полез в окно и плюхнулся на лед, раскинув руки и ноги. Удержаться от смеха я не смогла и на миг почувствовала себя отомщенной за купание в бочке. Правда, когда Шерх поднялся и окинул двор бешеным взглядом, я очень захотела стать мышкой и залезть в какую-нибудь нору. Думала, все, конец пришел Софии Лэнг. Но нет. Сосед лишь одернул свою меховую куртку, прихватил ружье и, прихрамывая, куда-то отправился.

Честно говоря, глядя на его сутулую спину и ногу, что мужчина подволакивал, я устыдилась своего детского поступка. Но потом вспомнила, как эта сволочь ухмылялся возле колодца, и угрызения совести мигом прекратились.

Разбудила Линк, мы позавтракали и снова отправились в Дейлиш. Городок встретил меня доброжелательно. Марта угостила кофе и посоветовала мастера, что чинит водопроводы. Правда, его оказалась непросто уговорить посетить

Оливковую рощу. Мне пришлось пообещать истру Орносу двойную оплату и уверить, что мой сосед не против и не пристрелит его. То, что мы с Линк живые и здоровые, несмотря на соседство дикаря, убедило мастера. Причину отсутствия воды он нашел быстро – кто-то закрутил вентиль, находящийся во дворе и спрятанный в деревянном коробе.

– Вы уверены, что у вас отличные отношения с истром Хенсли? – проскрипел мастер, испуганно озираясь.

– Ох, я такая глупая! – воскликнула, улыбаясь. – Я ведь сама перекрыла воду! И забыла, вы представляете? Нет, ну надо же! Просто вылетело из головы! Весна, она так действует на людей, вы знаете? Особенно на девушек! Они становятся очень забывчивы!

Мастер покосился на меня с подозрением и на всякий случай отодвинулся. Но к его чести – взял сушие гроши и бегом бросился обратно в Дейлиш.

– Мне нужен план водопровода, – перестав паясничать, пробормотала я. – И воздухоотводов. И канализации. И... Духи, с чего я взяла, что смогу жить одна в таком доме!

Вздыхнула, окидывая взглядом серые стены. Да, как-то не так я все это представляла... Но ничего, я разберусь. Обязательно!

Следующие несколько часов я посвятила стирке, купанию, приготовлению ужина и прочим делам, которые сыпались на меня, увеличиваясь, как снежный ком. Оказалось, что жить в доме – это совсем не то же самое, что в маленькой

квартире Кронвельгарда. Там у нас с бабушкой было всего две комнаты. Да, места маловато, но все бытовые вопросы решали домоправитель, домашний Дух и бабушка. А здесь? Здесь земля, с которой я не знаю, что делать, засохшие виноградники, полуразрушенный дом, заваленный камин... Что мы будем делать зимой? Чем топить? Где я возьму дрова? А пропитание? На что мы станем жить?

Да еще и сосед, который, возможно, вернется вечером и пристрелит меня за ночную выходку!

Я мрачно отжала платье, сложила все вещи в корзину и принялась развешивать на веревку, натянутую между двух деревьев. Взгляд упал на Линк, что снова копалась в земле и напевала под нос какую-то песенку. И сразу тоска отступила, а я улыбнулась.

– Мы справимся, – сама себе пообещала я.

День прошел спокойно, вернее, пролетел. К ночи я едва доползла до кровати, устав так, что почти не чувствовала тела. А утром... утром я обнаружила, что все мои вещи исчезли. Все! Проснувшись, как всегда, на рассвете и встав с кровати, я сначала поняла, что нет платья, лежащего на кресле. Потом, метнувшись к шкафу, увидела пустые вешалки и полки. Конечно, у меня было не так много нарядов, но теперь не находилось ни одного! Ни платьев, ни юбки с синей кофтой, ни плаща, ни даже – о великие Духи! Нательного белья! На полочке, словно издеваясь, сиротливо белела пером шляпка, которую я непонятно зачем привезла из Кронвельгарда. Ря-

дом ютилась пара перчаток. У порога стояли ботинки. Больше ни одного предмета туалета в комнатах не было.

Что примечательно, вещи Линк оказались нетронутыми, а вот мои испарились без следа! Так что в моем распоряжении остались лишь коротенькие батистовые панталоны да сорочка, едва прикрывающая живот. То, в чем я уснула.

От злости у меня, кажется, даже кудри на голове выпрямились!

Схватив с кресла тонкий плед и завернувшись в него, я обулась и вылетела во двор. Мои худшие подозрения подтвердились – мокрое платье, сохшее на веревке, тоже пропало. Утренняя прохлада мазнула голые ноги, но я не обратила внимания. К двери соседа я подлетела, как смерч, желая расцарапать его наглую морду. После нескольких ударов ботинком створка распахнулась, и на пороге появился Шерх Хенсли.

– Заблудились? – с насмешкой поинтересовался он.

Я уставилась в непроницаемые черные глаза.

– Немедленно верните мои вещи!

– О чем вы?

– Мои вещи! – не сдержавшись, завопила я. – Вы украли их!

– Вы бредите. Зачем они мне?

– Вы стащили мои платья, чтобы отомстить!

– За что? – он смотрел совершенно непонимающе.

– За воду, что я заморо... – начала я и осеклась на полу-

слове, понимая, что вляпалась.

– Ну что же вы, истра Лэнг, – вкрадчиво произнес дикарь, сверля меня взглядом. Сделал плавный шаг. Я попятилась. – Что же вы замолчали? Расскажите мне.

– Я ничего не буду вам рассказывать! – буркнула, пятясь назад. – Отдайте мои вещи!

– Я не брал их.

– Вы врете!

– А вы нет? Только что признались, что заморозили воду, рассчитывая, что я сломаю себе шею.

– Ни на что такое я не рассчит...

И снова прикусила язык! Вот же мерзавец! Он намеренно загоняет меня в угол, провоцирует!

– Прекратите! – Еще шаг назад. – Вы просто издеваетесь надо мной! Отдайте одежду!

– Понятия не имею, о чем вы.

– Мерзавец! – Духи, я сейчас точно его ударю! При мысли, что у меня не осталось ни одной вещи, хотелось завывать. В чем я буду ходить? К тому же... получается, что он забрался ко мне ночью? Видел меня спящей? Надо было не жалеть его, когда истр вывалился из окна, а добить, пока он не поднялся! – Вы просто... сволочь!

– Вы тоже непохожи на благородную истру, – усмехнулся он. – Кстати, зачем так переживать? Платья у вас на редкость безвкусные.

– Что? – завопила я. Вот это косматое чучело еще и рас-

суждает о моем вкусе? – Да что вы понимаете? Лесное чудовище! Когда вы последний раз видели воду? Да от вас разит на весь Ированс! Да ваш вид способен напугать до заикания!

Его глаза угрожающе сузились, ноздри дернулись. Он сделал еще шаг – на этот резкий – я попятилась, наступила на конец пледа, нелепо взмахнула руками и рухнула на дерн. Перед глазами заплясали звезды, и я не сразу поняла, что мой отвратительный сосед смеется. Хохочет, гад! Оперлась на локоть, приподнимаясь и ошалело тряся головой.

– Духи возмездия сегодня удивительно расторопны, не так ли, истра Лэнг? – хмыкнул мерзавец.

Я открыла рот, чтобы послать его куда подальше, но осеклась. Издевательский смех замер на губах дикаря, а взгляд изменился. В один миг, словно щелкнули переключателем. Мгновение назад он был насмешливым, а сейчас стал... горячим. Голодным. Жадным. Откровенным. Можно найти еще кучу эпитетов, чтобы описать то, как смотрел на меня Шерх Хэнсли, и ни один из них не будет достаточно точным.

В Кронвельгарде никто не позволяет себе так демонстрировать мужское желание. Там живут цивилизованные и воспитанные люди, которые не смотрят так, словно через миг накинута, придавят к земле, сорвут те жалкие клочки ткани, что еще были на мне, и...

И?

Мое горло дернулось, и страх заставил вскочить, подхватить плед и метнуться к своей двери, чувствуя, как колотит-

ся внутри сердце. Духи, я почти ожидала, что он догонит. Я почти была уверена в этом.

Но когда я захлопнула дверь и сползла на пол, за створкой не раздалось ни звука. Подышав и успокоившись, я осторожно потянула ручку, выглянула наружу. Двор был пуст.

А через час, когда я уже подумывала сшить себе платье из старой занавески, Линк увидела на пороге корзину с моей одеждой. Сверху белел листок.

«Уезжайте. По-хорошему».

– Кажется, нам снова угрожают...

Я задумчиво повертела бумагу. Линк посмотрела вопросительно.

– Нужно купить замок, – решила я.

***

Желание... Духи, я и забыл, что это. За семь лет я о многом забыл. Потому что лучше забыть, чем постоянно мучиться от невозможности получить то, что хочешь. Я хотел жить, просто жить. Чувствовать... Но... забыть. Надо забыть.

Первый год был самым сложным. Смириться с потерей всего оказалось невыносимо трудно. В Дейлиш я практически приполз. Вошел в дом и упал, словно зверь забился в нору. Правда, назвать домом эту развалину язык не поворачивался: стены, крыша и рухлядь, давно никому не нужная. Но рядом был гейзер, и я верил в его силу. Лишь эта вера помогала продержаться. Вставать по утрам, пытаться восста-

новить и обустроить дом, находить еду, есть... Подниматься после очередного приступа агонии, что сваливала меня постоянно. И каждый раз я думал, вот он – последний. Больше не выдержу. И каждый раз – выдерживал... Я выработал правила, позволяющие увеличить периоды между приступами.

Не разговаривать с людьми.

Не испытывать сильных эмоций.

Не менять распорядок дня.

Никаких чувств и желаний.

Никаких женщин.

Яркие и сильные эмоции неизменно провоцировали приступ, это я понял довольно быстро. И исключил их все. Лучше не чувствовать ничего, чем выть от боли. Ни одна эмоция не стоит такой расплаты.

Семь лет у меня получалось. После первого года отрицания и жалости к самому себе пришло отупение и почти равнодушие. Да, я жалел себя. Наверное, это стыдно, не знаю. Я жалел себя, забившись в подвал, чтобы соседи ненароком не услышали вой. Жалел того человека, кем был когда-то, и позорно его оплакивал. Вот такое недостойное поведение наследника великого семейства Лангранж.

Впрочем, к ним я уже не имею никакого отношения. Я добровольно отрекся от семьи, связи рода и духов предков. Шерх Хенсли – так звали целителя, что посоветовал пожить возле гейзера. Он был единственным, кто вообще хоть что-то посоветовал. Кто пустил меня на порог. Стоило узнать о мо-

ей проблеме, и двери целительских и лекарственных захлопывались с неимоверной скоростью. Я их даже не винил. Другой я, тот, что был лучшим учеником Академии, подающим надежды, талантом, гордостью и прочее, тот я – тоже не пустил бы на порог запечатанного. Может, побрезговал бы, а может, испугался. Все знают, чем грозит такой пациент. Нестабильный псих, что способен уничтожить не только себя, но и окружающих.

Меня сторонились и боялись, я помню это выражение на лицах – ужас, презрение, брезгливость... Словно запечатывание – это заразная болезнь. Впрочем, кто-то верит и в это. Боятся. Никто не хочет лишиться могущества, а магия – это власть. Чем ее больше, чем устойчивее и весомее положение в обществе. Лангранж стояли высоко, почти у подножия королевской семьи. А я со своим талантом мог бы поднять их до самой верхней ступени – правящей. А вместо этого чуть не отправил в пропасть.

Да, я не виню свою семью за то, что они выкинули меня, как шелудивого пса.

Уже не виню. Они поступили правильно.

А что до целителей, глупо было рассчитывать на их помощь, запечатывание не лечится. После рассказа о гейзере меня охватила надежда. Благодаря ей и добрался до Ированса, не откинувшись по дороге. Первый год был трудным. Я верил, выл, злился, снова и снова бился в приступах, снова верил... Потом пришло понимание, что и гейзер мне не по-

может. Я помню тот день, ясный и солнечный. Я лежал в горячей воде, смотрел на плывущие облака и как-то совершенно четко и спокойно осознавал, что это тоже бесполезно. Что нет в этой воде никакого волшебства, все это байки местного населения. Волшебства нет, силы нет, и исцеления для меня тоже нет. Все это я принял равнодушно, потому что вера к тому моменту меня оставила.

Скорее всего, Хенсли тоже знал об этом. Он просто отправил меня сюда и дал время привыкнуть. Смириться с собственной ущербностью. Не знаю, милосердие это или изощренная жестокость. Если бы я не был «Тем самым Лангранжем» привыкнуть к новой жизни было бы легче, наверное. Но я стоял так высоко, что падение оказалось слишком болезненным. На самом деле иногда я уверен, что разбился. Что не живу. Что умер там, на Багровой Скале. Первые три года я проклинал Духов за то, что они меня тогда не забрали.

Последние два года из семи были почти спокойными. Я привык. Оказалось, что человек ко всему привыкает. Даже к такому подобию жизни.

Пока не появилась эта наглая рыжая особа.

Хорошо, что два приступа подряд никогда не повторяются. Иначе я свалился бы прямо там, рядом с ее голыми коленками. Даже сейчас стоит вспомнить, как она лежала на земле – беззащитная, теплая, прикрытая слишком малым количеством ткани, и в глазах темнеет. Я успел забыть это чувство – острого желания к женщине. Конечно, потому что годами

мне удавалось избегать любого нормального общения с ними!

Картина, стоящая перед глазами, даже сейчас не желала покидать голову. Длинные ноги, стройные бедра, упрятанные в полотно панталон, какие-то кружавчики и веревочки, что так хотелось сорвать... Рисунок ребер из-под задравшейся сорочки. Очертание груди, натянувшей ткань, и просвечивающиеся соски... Тонкие ключицы... Шея... Приоткрытые губы... Испуганные, широко распахнутые глаза...

То, как она удирала, я тоже увидел, а лишь потом метнулся на свою половину. Вот только разбуженное желание никуда не делось, я даже подумал на миг, что мог бы... Проклятье! Да ничего я не мог бы! Ударил кулаком по стене, радуясь отрезвляющей боли. Потряс головой, пытаюсь избавиться от мучающих образов. Кто бы мог подумать, что меня так накроет от вида женских коленок? Когда-то к моим услугам были все красавицы Кронвельгарда. Любая сочла бы за честь быть со мной.

Снова вlepил костяшками по каменной кладке.

Хватит вспоминать! И прошлое, и эту... рыжую. Любимца столицы больше нет, а наглая захватчица отправится во свояси так быстро, что и пискнуть не успеет!

«От вас разит на весь Ированс!»

Фраза застряла в голове ошетинившимся ежом. Поднял руку, понюхал себя, раздумывая, когда последний раз мылся. Получалось, что давненько. Да уж, запустили вы себя,

истр Хенсли! Горячего водопровода в доме не было, а греть холодную – лень. К тому же и к лучшему! Не собираюсь радовать истру Лэнг приятными запахами! Я вообще не собираюсь ее радовать.

Свалил в корзину все тряпки, что ночью вытащил из комнаты девушки. Надо признать, это было довольно забавно. Рыжая, оказывается, во сне сопит, как щенок. Пнул корзину сапогом, снова разозлившись. На пол вывалилось что-то полупрозрачное, светлое, с бантиком. Я брезгливо, двумя пальцами поднял ЭТО, поднес к глазам. Чулок. Женский. Светло-бежевый. С голубыми ленточками.

Сглотнул, пытаюсь не думать. И не представлять, как это будет выглядеть на женской ноге. Швырнул чулок обратно в корзину. Подхватил двустволку. Надо сходить на склон, поохотиться, сухие запасы закончились, вяленое мясо – почти. Да и надоело, хочется свежатины.

Проверил патронник и вышел из дома.

Глава 5

– ...но я совсем не умею драться, – прошептал Заяц. – И очень боюсь!

– Это же твои платья! – воскликнула Линк.

– Да.

Я мрачно смотрела на корзину, размышляя, надо ли перестирать все вещи заново. По всему выходило, что надо, стоило представить, как этот дикарь их лапает... Фу! Но стирать все заново! Да за одно это я готова его возненавидеть еще больше!

Морщась, вывалила одежду на покрывало, решая, что делать. Вроде бы все на месте, за исключением... Нахмурилась, снова перерывая разноцветную кучу тканей. Точно! Нет чулка! А это моя любимая пара, с голубыми бантиками! К тому же единственные тонкие чулки, вторые – грубые, из шерсти. И вот – нет их!

От злости я чуть зубами не закричала.

– Мерзавец!

Зачем ему мой чулок? Что он будет с ним делать? Краска прилила к щекам от этих ужасающих мыслей. Духи, ну за что мне все это?

Отправив Линк завтракать, я оделась и со вздохом отпра-

вилась снова стирать. Ничего. Истр еще пожалеет, что связался со мной! Пыхтя от негодования, я перестирала всю одежду и даже покрывала и занавески, что обнаружила сложенными в шкафах. Так что вскоре все веревки и поверхности были заняты мокрой тканью, благо, солнце светило почти по-летнему. Линк вертелась рядом, напевая себе под нос и пытаясь мне помочь.

– А мы пойдем снова к мадам Леон? – спросила она, оторвавшись от тряпичной куклы.

– Милая, тебе нельзя столько сладкого, – рассмеялась я. Линк обиженно надулась, и я сдалась.

– Пойдем, обязательно. Я хочу сделать Марте подарок, отблагодарить за гостеприимство.

– Какой подарок? – оживилась Линк.

– А вот им сейчас и займемся, – улыбнулась я, развешивая последнюю юбку.

– Ты будешь делать красоту? – воскликнула Линк, догадавшись.

– Точно. Можешь достать мой ящичек?

Линк завопила на весь дом и кинулась в комнату. Когда вернулась, я уже устроилась на том самом кресле-качалке, что мы с девочкой вытащили на улицу. Сидеть на солнышке было сущим удовольствием!

– Я принесла! – торжественно заявила Линк, вручая мне ящик для рукоделия так, словно это была как минимум королевская корона! Но для моей девочки так и есть. Она обо-

жает смотреть, как я «делаю красоту».

Так что я устроилась в кресле, девочка на низкой скамеечке рядом, и открыла крышку. Ящичек мне подарила бабушка на пятнадцать лет. В нем было несколько отделений, в которых блестели разноцветные бусины, теснились мотки лент, кружев и ниток, блестели иголки и булавки, а также радовали глаз цветные лоскуты шелка, батиста, бархата, парчи...

Тогда я тоже застыла, глядя на это невиданное подношение. Дар. Для меня это было именно так. Со временем содержимое моей коробочки менялось, добавлялись новые ткани, бусинки, ракушки и даже камушки. Все, что казалось мне красивым. И признаться, для меня ящичек был особой ценностью. Я с любовью погладила светлую крышку с рисунком из лютиков и достала кусочек голубого бархата.

– Что будет на этот раз? – почти не дыша, спросила Линк.

– Пока не знаю, – задумчиво улыбнулась я. – Ящичек сам подскажет. Как обычно.

Погладила ломкие кружева, перекатила в пальцах гладкие бусины, вытащила иглу и нитки. И начала шить. Обрезала лоскут, собрала в центре, украсила лентами и бисером. Любимое дело успокаивало, я даже забыла об истре Хенсли, пока занималась им. Стежки ложились незаметно, прячась под ткань и кружева. Через два часа я потянулась и положила на ящичек готовую брошь.

– Это цветок! – восторженно прошептала Линк. Я пожала плечами. Может, и цветок. Или бабочка. Или еще что-то.

Все зависит от воображения. Мне украшение нравилось, и я наделась, что Марте мой подарок тоже придется по душе. Приладила иглу булавки на изнаночную сторону, чтобы крепить брошь к одежде.

– Одевайся, милая, проведем истру Леон.

Уговаривать Линк не пришлось, уже через десять минут я подперла поленом входную дверь, и мы отправились в Дейлиш.

***

– Великие Духи предков, какая прелесть! Сколько она стоит?! – воскликнула Марта так, что на нас оглянулись все посетители кофейни. Благо их было всего три человека, и все же...

Я жутко покраснела и замахала руками.

– Нет-нет, Марта, что вы! Это подарок! Я сама сделала эту брошь, чтобы отблагодарить вас...

– Вы сделали это? – ахнула истра Леон еще громче. Теперь на нас бросали взгляды заинтересованные, а я покраснела еще сильнее.

– Марта, прошу, не кричите, так... Да, я сшила для вас, это можно прикрепить к платью или накидке, вот так... – осторожно продела иглу в ткань и улыбнулась. – Вот на этом синем платье смотрится красиво. Мне кажется.

И смутилась.

– Конечно, если вам не нравится, то совсем не обязательно... Я просто хотела вас порадовать, Марта.

– Не нравится? – Женщина сверкнула глазами и вдруг прижала меня к себе, отчего я пискнула. – Это просто волшебство, моя дорогая Софи! Идемте же, я напою вас кофе! С миндальными пирожными. Линк, милая, ты любишь миндальный крем?

– Очень, истра Леон!

– Эта сладкоежка любит все, где есть сахар, – вздохнула я, устраиваясь за столиком. – Но мы ненадолго, у меня еще куча дел.

– У меня тоже, дорогая Софи, но дела подождут, если есть хороший кофе, не так ли?

Я рассмеялась и согласно кивнула.

– Так.

– Правда, если на пороге не стоит истр Вудс, – с внезапным придыханием прошептала Марта. – Простите, Софи, и еще раз спасибо за ваш подарок!

Я успокаивающе махнула рукой, показывая, что совсем не обижаюсь. И с любопытством осмотрела мужчину, что привел истру Леон в такой трепет. Истр Вудс оказался respectable пожилым мужчиной, седовласым, с кисточкой аккуратных усов и тростью в руках. И, похоже, Марта к нему испытывала нечто большее, чем доброжелательность.

– Линк, допивай какао, и идем, надо успеть заскочить в лавку.

Уходя, я помахала рукой Марте, и та ответила извиняющейся улыбкой, но тут же вновь заворковала над усатым ис-

тром, что благожелательно кивал.

За пару часов мы с Линк успели посетить несколько магазинчиков, купить замок и даже договориться с мастером, что приладит его к двери. Парень оказался моложе и смелее водопроводчика и быстрее согласился мне помочь.

Так что в Оливковую рощу я возвращалась довольная и даже напевала какую-то песенку.

Но мое радужное настроение смело, стоило ступить во двор. Веревка с отстиранными вещами оказалась обрезанной, и все мои многострадальные платья теперь валялись в грязи. Я сглотнула, чувствуя, как стучит в висках кровь, и сжала кулаки.

— Линк, милая, — как можно мягче сказала я. — Иди в дом и накрывай на стол. Я скоро вернусь, мы будем пить чай.

Девочка кивнула и убежала, а я посмотрела ей вслед, а потом развернулась на каблуках и, вбивая их в дерн, двинулась на сторону соседа. Ну, все, мое терпение лопнуло! Стоило вспомнить часы, которые я провела за стиркой, и представить новые... Убью! Точно убью гада!

В дверь я тоже ударила ботинком, решив, что слишком много чести — руками стучать!

К моему удивлению, створка распахнулась, несколько остудив мой пыл. Однако недостаточно, чтобы я остановилась. Сжав кулаки и вздернув подбородок, я влетела в полутемную комнату.

— Истр Хэнсли, вы здесь? Будьте добры выйти!

Мой голос прозвучал не грозно, а жалко. Наверное, все дело в этом помещении, здесь все было слишком... мужским. Настоящая холостяцкая берлога. Все ставни закрыты, в комнате темно, как в пещере, узкие лучи света пробиваются лишь через щели и открытую дверь. Но этого достаточно, чтобы рассмотреть диван с потертой обивкой, на который небрежно свалены вещи, стол, уставленный посудой, шкафы, башенку поленьев возле камина, ведро с золой рядом. Воздух здесь был сухим и пах мужчиной. На самом деле я соврала утром, сказав, что от дикаря разит. Уж больно хотелось его задеть.

Самого соседа видно не было.

Я помялась на пороге, не зная, что делать дальше.

– Истр Хенсли?

Мне никто не ответил, и, покосившись на дверь, я двинулась вглубь комнаты. За первой обнаружилась вторая, и я замерла, ошалело рассматривая нору. Назвать это по-другому не получалось, постелью это точно не являлось. На широкой кровати были набросаны покрывала и шкуры, целая гора, в центре которой темнел лаз. Настоящая звериная нора, очевидно, предназначенная для сна. Рядом были наложены камни, от которых даже сейчас исходило тепло. Моргая, я придвинулась ближе, замороженная этим невиданным зрелищем.

На стуле с высокой спинкой лежала куртка соседа, и план созрел моментально. Воровато оглянувшись, я вытащила из

мешочка на поясе флакончик с каплями. Их используют для успокоения и хорошего сна, несколько капелек внутрь – и человеку обеспечены хорошие сновидения. Но были у эликсира и другие свойства. Снова оглянувшись, я метнулась к куртке дикаря и вылила почти весь флакончик на мех.

– Какого хрена вы здесь делаете?

Яростный голос заставил меня подпрыгнуть, обернуться и в ужасе прижать ладони к груди. Шерх Хенсли стоял в дверях, расставив ноги и сжимая свою двустволку. Темные глаза сужены, от стиснутых зубов дергаются желваки, и это видно, даже несмотря на бороду! Жуткий растянутый свитер с заплатками и перчатки с обрезанными пальцами завершали образ и делали Шерха похожим на одного из дорожных бандитов. Да что там! Он мог бы быть их главарем, с такой-то рожей!

– Решили снова продемонстрировать мне свои прелести, истра? – его губы искривила презрительная усмешка. А я выдохнула. Похоже, мои манипуляции с курткой сосед не заметил. – Надо же.

Обида и ярость ударили в грудь так, что дышать стало нечем, и я сжала кулаки, готовая броситься на мерзавца. Бабушка всегда говорила, что мои чувства меня погубят. Потому что они всегда главнее разума. Выдохнула.

– Не смейте меня оскорблять, – как можно высокомернее произнесла я. После жизни в Лангранж-Холле у меня это неплохо получалось.

– Констатация правды – это не оскорбление, – с гадкой улыбкой произнес он.

– Я всего лишь хотела... Духи! Да что вам объяснять! Уйдите с дороги!

– Зачем? – Он повел своим ружьем, играя. И не двинулся с места. – Вы ведь пришли мне что-то предложить, истра?

Взгляд темных глаз стал волчьим, а лицо застывшим. И почему мне показалось, что дикаря ситуация совсем не веселит? Скорее, она привела его в бешенство.

– Вы все неправильно поняли! – Духи, если я начну орать, меня даже никто не услышит! А вот Линк испугается до смерти. – Я пришла сказать, чтобы вы не смели трогать мои вещи! Вы перерезали веревку!

Обвинение, что должно было быть убийственным, вышло жалким. Дикарь сдвинул брови, а я вдруг сообразила, что, кажется, ошиблась. Катастрофически, ужасающе ошиблась! Веревки между деревьями были старыми, они вполне могли просто порваться от тяжести навешенного белья. С чего я взяла, что это сделал сосед?

– Я... я пойду. Простите, я не должна была заходить сюда...

Он не двинулся с места ни на грин.

– Отойдите. Я хочу... выйти.

– А я хочу, чтобы вы убрались отсюда, – процедил он. – Чтобы уже утром и запаха вашего не осталось в Оливковой роще.

– Но я не могу уехать!

– Тогда я не могу выпустить вас.

В его глазах зажегся недобрый огонек. Страх сжал горло, и я с трудом удержалась от желания вновь начать пятиться, как утром. Вот только куда? За спиной была эта сама постель-нора.

– Послушайте, – попыталась я воззвать к голосу разума. – Я признаю, что совершила ошибку, зайдя на вашу половину. Я просто очень разозлилась... неважно! – Тряхнула головой. – Давайте считать это недоразумением? Ну, ведь благородный истр...

– Благородный истр? – Он хрипло рассмеялся, белые зубы блеснули в полумраке. – Какая ошибка. Во мне нет ничего ни от первого, ни от второго.

– Выпустите меня!

Кажется, я все-таки заору.

– Нет.

Он сделал шаг ко мне и закрыл дверь, повернул ключ в замке. О Духи, эта ужасающая комната еще и запиралась изнутри. Зачем? Может, чтобы издеваться здесь над такими дурами, как я?

– Вы не посмеете, – ахнула я. Молчать рядом с ним слишком страшно.

– Еще как посмею.

Он наступал, сжимая свою двустволку, и я как-то заворуженно уставилась на него. Понимая, насколько он выше и

сильнее, несмотря на худобу и хромоту. И вооружен. Помимо ружья, у дикаря был нож, я увидела чехол, привязанный к правой ноге поверх кожаных штанов.

Ружье он положил на стол, сделал еще шаг. И еще. И я уже чувствую тепло его тела и дыхание. А мои ноги стоят впритык к постели.

– Послушайте... – Я сжала кулаки, запрещая себе паниковать. Хотя очень хотелось. – Вы пугаете меня. Давайте, наконец, поговорим, как разумные взрослые люди! Я ведь уже извинилась...

– Мне плевать на ваши извинения, – тихо сказал он. – Мне плевать на все, что вы скажете. Я хочу, чтобы вы убрались из моего дома. Либо вы это сделаете, либо...

Его левая рука в обрезанных перчатках легла на мою талию, правая – на затылок, и дикарь резко вжал мое тело в свое. Сдавленно вздохнул. А потом он так же – рывком, словно нехотя – наклонил голову и прижался губами к моему рту. Замер на миг, словно вслушиваясь. И провел языком по нижней губе, втянул, лизнул верхнюю. А потом надавил на затылок, углубляя этот поцелуй, вторгаясь в мой рот, толкаясь языком! Я дернулась, пытаюсь отстраниться, но хватка у мерзавца оказалась железной, а с виду и не скажешь! Держал он крепко, не давая мне даже голову повернуть! И дышать тоже не давал. Кажется, он собирался заменить воздух собой.

Я ахнула, и получилось, что в его губы, отчего дикарь тя-

желю втянул воздух и переместил ладонь с моей талии на бедра, поглаживая, сжимая сквозь ткань юбки. Его движения были резкие, злые, без капли нежности или уважения. Он трогал меня, как какую-то уличную девку, как доступную особу из дома удовольствия! Провел ладонью от ягодиц до шеи, надавливая пальцами на позвонки, и я почувствовала, как встали дыбом все волоски на моем теле! Хотела бы сказать, что мне было неприятно. Но мне было... странно. Странно ощущать на своем теле мужские руки, странно чувствовать губы и язык дикаря. Он пах лесом – кедром и сосной, словно только что пришел со склона горы. И волосы у него были влажные, это я поняла, когда мне на щеку упала капля.

Его прикосновения не вызывали того омерзения, что должны были. И это напугало сильнее, чем сам поцелуй. Я дернулась снова, не надеясь, что дикарь отпустит, но он сделал это. Разжал руки и отступил на шаг. В темных глазах было странное выражение. Болезненное.

– Надеюсь, вы поняли? – сквозь зубы выдавил он. Потянул за ворот плотной коричневой рубашки, словно ему нечем было дышать.

– Да, – прошептала я. – Поняла. А вот вы – нет. Я не уеду. Выдохнула и бросилась бежать, сорвавшись пулей. По пути толкнула истра Хенсли локтем, отпихнула в сторону, освобождая проход. Смерчем метнулась к двери, дернула. Взыла. Замок! Он закрыл дверь на замок.

Очень медленно обернулась, прижалась спиной к створке. Мужчина дышал короткими рывками, мне казалось, что ему больно. Сделал несколько шагов, снова хромая, а ведь когда он вошел, то двигался плавно, как зверь. Против воли я зажмурилась, когда он подошел вплотную и протянул руку. Щелкнул замок.

– Уйди, – тихо сказал он.

От удивления я распахнула глаза и уставилась в это пугающее лицо. И неожиданно поняла, что Шерх Хенсли молод. Наверное, даже младше моего бывшего мужа. Просто борода, шрам и лохматые волосы старили его. Может, он этого и хотел?

Дикарь схватил меня за плечо и вытолкнул в открытую дверь. Я не стала медлить, подхватила юбку и бросилась прочь из этой комнаты и от этого мужчины.

Глава 6

... Разве смогу я победить? – усомнился Отстроухий.

Линк снова копалась в земле, ее мордашка была грязной и счастливой. Я улыбнулась ей и прошла дальше, завернула за угол дома. Прислонилась к каменной кладке, тяжело дыша. Мне нужно было пару минут побыть одной. Просто... подышать. И понять. Что только что произошло.

Меня поцеловал дикарь. Нет, не так. Меня поцеловал мужчина.

Раньше меня целовал только мой муж. До него я лишь пару раз ходила на свидания в академии, но все они были довольно невинными. В то время я честно пыталась овладеть магией, найти тот самый вектор, куда можно применить силу. Верила, что получится, стоит только постараться.

С Гордоном мы там и познакомились, в Академии. Правда, у него годы учебы уже были позади, как и алая лента – знак особого отличия. Не знаю, почему он обратил на меня внимание в тот день. Может, просто захотел разнообразия. Или скоротать полчаса ожидания, болтая ни о чем. Я сидела на скамейке, читала историю королевства, а Гордон просто сел рядом и улыбнулся. Пожалуй, я влюбилась в него с первого взгляда. В него трудно было не влюбиться. Молодой,

безупречно одетый, красивый, мужественный. Образец мужчины, сильный маг, наследник одного из лучших родов королевства. Я и подумать не могла, что наша короткая беседа выльется во что-то большее. Где я и где он... Небо и земля. Я была так же далека от Гордона, как Кронвельгард от Дейлиша. И чуть не скончалась от удивления и восторга, когда он приехал в академию снова, но на этот раз – увидеть меня.

Я окунулась в него с головой, провалилась, как в омут, оглушенная и ослепленная. Забросила и без того не слишком удачную учебу, забыла обо всем на свете. Гордон тоже казался влюбленным... Через два месяца он сделал мне предложение. Мы обвенчались в маленькой часовне недалеко от Кронвельгарда, и не было на свете невесты счастливее меня. С одним чемоданом и бабушкиным ящичком с нитками я вступила в огромный и пугающий Лангранж-Холл.

И моя жизнь превратилась в кошмар.

Я потеряла виски, не желая вспоминать. Но картины прошлого слегка отвлекли от настоящего. А именно – поцелуя. Хотя это и поцелуем не назвать, дикарь просто засунул свой язык мне в рот и облапал, как гулящую девку. И разве не должна я в данный момент с омерзением полоскать рот, чтобы избавиться от вкуса? Почему у меня нет никакого желания сделать это? Даже ради приличия, в конце-то концов?

Впрочем, как утверждала моя уважаемая свекровь, истра Элеонора, более наглой и бесцеремонной девки, чем я, мир не знал. Так что... приходится соответствовать! Все-та-

ки невежливо разочаровывать таких уважаемых особ!

Поэтому тереть губы я не стала, а лишь покачала головой. Надо просто выкинуть все это из головы и заняться делом. Кстати, меня ждет белье, валяющееся в грязи.

Решительно расправила плечи и вышла из своего укрытия. И тут же услышала визг Линк. Мужчины, поцелуи, романтический бред, воспоминания и прочее покинули мою голову в мгновение ока! Страх сжал сердце обручем, и я понеслась к девочке, не чувствуя под собой ног.

– Милая! – Линк стояла у ограды, подпрыгивая на месте. Я упала на колени, судорожно ощупывая маленькое тельце и пытаюсь понять, что случилось. – Линк! Почему ты кричала?!

– Я не кричала, – она поморщилась, вырываясь из объятий. – Я радовалась!

– Радовалась?

– Конечно! Я нашла Толстолапного Пыха!

– Что?

Я моргнула, а Линк вырвалась из моих рук и вытащила из зарослей вечнозеленого кустарника... мангута! Этот зверек, живущий на деревьях, отличается характерной пятнистой шкуркой, огромными круглыми глазами, двумя маленькими рожками на лбу и коротким пушистым хвостом. Насколько я помнила, мангуты питаются орехами и ягодами, а еще, вырастая, приобретают ядовитые колючки вдоль хребта.

Этот мангут был еще маленьким и полудохлым. Его глаза гноились, а шерсть свалилась клоками.

Я снова моргнула, слегка растерявшись. Откуда он здесь? – Толстолапый Пых, Софи! – завопила Линк, сияя от счастья глазенками. – Это же он, правда?

Я тяжело вздохнула. Пых – это тоже персонаж сказки, не удивительно, что Линк так обрадовалась. Я осмотрела ограду – под каменной кладкой обнаружился подкоп.

– Мы ведь оставим его, да?

Девочка обхватила животное обеими руками, не обращая внимания на грязь и то, что зверь пытался вылизать ее щеку. Я отобрала мангута, придирчиво осмотрела. Сказать, что нам самим есть нечего – язык не поворачивался. Стоило только взглянуть в полные безоблачного счастья глаза ребенка, и все разумные доводы улетучивались, как тополиный пух.

– Для начала его надо подлечить, – осторожно начала я, опустив Пыха на землю. Он тут же перевалился на спину, показывая беззащитное грязно-белое брюхо и поджав лапы. Похоже, так мангут изображал дохлого.

– Он ко мне пришел! – уверенно заявила Линк, присаживаясь рядом. – Ты ведь сама рассказала мне про Пыха!

– Ну да, рассказала.

Снова вздохнула, не зная, как выкрутиться из ситуации. Сказать девочке, что Пых – это выдумка? Нельзя разрушать сказку. По крайней мере, я хотела бы, чтобы Линк верила в

них подольше. Поэтому лишь улыбнулась.

– Хорошо, милая, мы его оставим. Но! – Подняла палец, обрывая очередной вопль радости. – Но ты сама станешь ухаживать за ним и лечить! Поняла меня?

Линк подскочила и обхватила мои ноги.

– Любимая, хорошая, самая лучшая Софи! Теперь с нами будет жить Пых! Я дам ему молока!

– Лучше орехов. Пых любит их гораздо больше, милая.

Погладила темные кудряшки, улыбаясь и размышляя, что теперь мне предстоит не только заново перестирать вещи, но и отмыть Линк вместе с прибившимся мангутом.

До самого вечера я стирала, мыла, что-то готовила на чадящей плите и снова мыла. К ночи моя спина болела так, словно мне уже стукнула сотня лет, а кожа на руках покраснела и начала шелушиться. Я осмотрела ладони с усмешкой. В Кронвельгарде все ходят в перчатках, эту моду ввели маги, которые истово берегут руки. Конечно, ведь вязать магические узлы с мозолями на пальцах – невозможно. Поэтому можно с первого взгляда отличить одаренных от простолюдин, достаточно взглянуть на руки.

Мне беречь нечего, так что и сожалеть не стоит.

К ночи я валилась с ног от усталости и мечтала лишь о том, чтобы вытянуться на жестком диване. Право, сейчас даже это неприятзательное ложе представлялось мне верхом блаженства! Но прежде чем сделать это, я задернула шторы, закрыла дверь, подперла ручку стулом и внимательно осмот-

рела спину Линк. Девочка ерзала, не желая сидеть на месте. В неверном свете свечи я все же увидела то, чего боялась. Бугры на теле девочки никуда не делись, напротив, увеличились. Прикусив губу, я провела пальцем по выпуклому очертанию, Линк поежилась.

– Больно? – испугалась я.

– Нет, чешется.

Я нанесла на спинку Линк мазь, понимая, что она не может. От того, что происходило с девочкой, не спасет пчелиный воск, смешанный с шалфеем. Одна надежда – на гейзер. Ведь говорят, что обладает силой исцеления. Так мне сказали.

Линк сторбила плечики, задрожала. Я торопливо накинула на нее теплую пижамную кофту и велела:

– Залезай под одеяло, живо!

Покорно устроившись на постели, девочка привычно потребовала сказку. Я присела рядом, и пока Остроухий Заяц с друзьями латали свой новый дом, Злыднякют строил коварные планы мести...

***

Она. Должна. Уехать!

Исчезнуть на хрен, свалить из этого дома и не нарушать покой, который я по крупинам выстраивал целых семь лет.

Я снова покосился на окно, запрещая себе смотреть. И думать – тоже. Моя реакция на прикосновение понятна. Она – женщина, хоть и рыжая. Никогда не любил рыжих. Ко-

гда-то мне нравились блондинки. Гордону темненькие, а мне — светленькие.

Не выдержав, все же подошел к окну, тому, где были открыты ставни. Наглая хватчица стирала, я видел ее согнувшуюся над тазом спину и растрепавшиеся косы. Под тонкой тканью платья двигались лопатки, кожа на тонких руках покраснела.

Процедив сквозь зубы ругательство, отвернулся.

Зато я изрядно повеселился, когда рыжая шлепнулась на землю. Назвать истру Лэнг верхом грациозности точно не выйдет. Шмякнулась, как медуза, раскинув руки и ноги. Давненько я так не смеялся! Правда, потом смех застрял в горле.

И этот ее приход ко мне...

Я до сих пор чувствовал на губах ее вкус, словно глотнул вина — рубинового и тягучего, с ярким и мягким послевкусием. Когда-то в Дейлише рос особый виноград — «поцелуй любимой», и из него получался такой напиток. Мне довелось один раз его попробовать, у Фирса. Тот расщедрился, правда, быстро пожалел об этом. Оказалось, что спиртное мне так же противопоказано, как и сильные эмоции. Но вкус вина я запомнил. Губы Софии были такими же сладкими и пьянящими.

Потряс головой. Она должна уехать. Как можно скорее. И дело не только в моем спокойствии. Дело в безопасности этих двух глупых девчонок, что залезли прямиком в капкан. Во всем городе лишь Фирс догадывался о причинах моего

отшельничества, да и то, не знал точно. И благо не распускал язык, здраво полагая, что весть о запечатанном маге может вызвать панику у горожан. Сто лет назад таких прокаженных ссылали на Остров Проклятых, но в просвещенный век пара и электричества правящие решили быть гуманными. К тому же изобрели новые печати – вечные. Теперь запечатанным просто запрещалось жить ближе чем в двух литах от человеческого жилья. Считалось, что этого достаточно. Увы, не для таких, как я. Правда, таких, как я, всегда было мало. Когда-то я считался особенным.

Усмехнулся, прикрыв глаза. Каким же глупцом я был! Самонадеянным, молодым и тщеславным глупцом... Думал, что весь мир лежит у ног, стоит лишь протянуть руку...

Снова посмотрел в окно. София теперь развешивала платя на веревке, девочка возилась у ограды.

Надо выгнать обеих. Для их же пользы... Даже если это будет выглядеть ужасным, я обязан выгнать их. Уже сейчас боль облизывает тело, а в глазах клубится туман, а ведь после приступа прошло так мало времени! Дальше будет хуже.

И рассказать нельзя. Стоит лишь заикнуться об истинных причинах, и весть обо мне в тот же день разлетится по Дейлишу. Женщины болтливы и не умеют держать язык за зубами. Да, узнав правду, рыжая в ту же минуту исчезнет из Оливковой рощи, а уже через час к дому явятся горожане с вилами и топорами. И меня просто вынудят покинуть эту местность! И куда я пойду? Мне нигде нет места...

Надо выгнать.

Потому что мне слишком понравились губы Софии Лэнг. Это недопустимо.

Нахмурился, рассматривая узкую спину рыжей. План уже созрел в голове, единственное слабое звено – это девочка. Сегодня я наконец рассмотрел ее, удивляясь, что в крошке нет ничего от самой Софии. Темные кудряшки, ярко-голубые глаза. Странно. Насколько я помню, цвет глаз передается от родителей к детям. У Гордона глаза синие, у Софии – светло-карие. Не в этом ли несоответствии причина развода?

Интересно, как он там... Гордон. А мать? Тереза? Они вычеркнули меня из своей жизни. Впрочем, я сам сделал это, когда ушел.

План. Надо вернуться к нему. И маленькая помеха – ребенок. Какой бы я ни был сволочью, но пугать девочку подлости не хватало. Значит, надо сделать так, чтобы ночью девочка спала. Открыл ящик комода, в котором теснились пузырьки, перебрал их. Вытащил один – с темной жидкостью. Пожалуй, это подойдет. Здесь же лежали осколки – несколько довольно крошечных. Раньше они не были мне нужны, а теперь вот... снова мотнул головой, избавляясь от мыслей. Если так пойдет, у меня скоро башка отвалится. Чтоб не мотал.

В кладовке нашел сверток с печеньем, придиричиво обнюхал. Слегка засохшее, но, сдается мне, девочка не откажется от угощения. Выждав, пока София скроется за углом, вы-

шел из дома и подошел к девочке, готовясь к тому, что та заорет. Тогда сделаю вид, что мимо проходил.

Но малышка лишь похлопала ресницами, с интересом меня рассматривая. Я даже растерялся. Отвык от такого взгляда – пристального, но откровенно дружелюбного. Девчонке явно было любопытно, она даже ближе подошла. И улыбнулась, показывая щербатый рот.

– А я знаю, кто ты! – доверительным шепотом поведала она.

– Кто? – еще больше растерялся я.

Девочка подошла еще ближе, закинула голову и объявила торжественно:

– Ты – Злыдняклюд!

– Точно, – хмыкнул я. – А ты кто?

– А я Линк. – Она важно протянула ладошку. – И я тебя не боюсь!

Какая смелая девочка. Смелая и глупая, вся в рыжую мамашу. Я пожал грязные и тонкие пальчики. Совесть не вовремя напомнила о себе, так что пришлось ее заткнуть.

– Хочешь печенье, Линк? – душевно спросил я и увидел ответ во вспыхнувших голубых глазах.

Отдал угощение и смылся, пока София не вернулась. Хотя хорошо бы взять хворостину и всыпать нерадивой мамаше, которая не научила ребенка, что брать сладости у незнакомцев – опасно для жизни и здоровья.

Впрочем, мне это только на руку. Вышел за ограду, ухмы-

ляясь и размышляя, что может напугать девушку так, чтобы она неслась отсюда, сверкая пятками. Раз уж пристаивания такого уroda, как я, ее не проняли, найду другой способ. А от пристаиваний хуже лишь мне, кажется...

Ничего, утром рыжей здесь уже не будет.

На холмах пахло кедром и землей, солнце плескалось в ночных лужах, ползли из-под лежащих листьев желтые пушистые шарики цветов. Звенели птичьи трели, предвещая начало тепла. Первая птица мазнула крылом щеку, подлетев слишком близко. Я удивленно поднял голову, прищурился. Вторая покружила над головой, словно примериваясь к макушке. И тут же появилось еще с десяток! Они стаей вертелись вокруг меня, издавая истошные крики, уже мало похожие на пение! Что за жротовы проделки?

– Отвалите! – рявкнул я, махнув рукой. И тут же получил снарядом птичьего помета на голову! А потом на плечи! На куртку, штаны и даже ружье, которым пытался отмахиваться от свихнувшихся пернатых!

Взвыл и понесся в сторону родников. Однако одуревшие летуны устремились за мной, и каждая считала своим долгом оставить на мне одну, а то и несколько своих меток! Ругаясь и шипя сквозь зубы, я добрался пещеры, в которой стояла лужа холодной воды, и только тут догадался стянуть куртку и обнюхать ее. Сквозь резкий и кислый запах птичьего помета пробился другой – сладковатый. Знакомый. Такие капельки помогают уснуть. А еще приманивают пернатых!

Я отчетливо скрипнул зубами, почесал макушку. Взыл, ощутив помет в волосах. И от мысли, что снова придется себя отмывать, лезть в воду, стирать вещи, мерзнуть, совесть уползла в самую дальнюю нору моей души. Верно, пряталась от гадкого запаха.

Вот гадина рыжая!

Я с предвкушением оскалился. Ничего. Ночью посмотрим, как эта проныра будет визжать и плакать. Знатное будет развлечение!

Глава 7

– ...тогда делай то, что умеешь, – шепнул Ветер...

Среди ночи меня разбудили скрежет и царапанье возле двери. Я с досадой потерла глаза, отгоняя сон, что убеждал плюнуть на звуки и снова свернуться клубочком под одеялом. Но царапанье повторилось, к нему добавилось какое-то ворчание. Я со вздохом села на кровати, посмотрела на Линк. Та глубоко спала, разметавшись во сне. Укрыла девочку и, сунув ноги в домашние туфли, пошла к двери.

Верно, это Пых, которому не нравится ночевать в корзине на пороге. Вот и скулит, просит, чтобы его пустили в теплый дом!

Я накинула шаль, отодвинула стул, подпирающий дверь, и распахнула створку.

В Кронвельгарде нет такой темноты. Улицы освещены электрическими и газовыми фонарями, из окон домов льется свет. По крайней мере, там, где жила я, ночи были мутно-серыми, с желтыми и голубыми пятнами.

А здесь, в Дейлише, ночь напоминала суп из томатов и черных древесных грибов – крепкий, густой, плотный. Тонкий юный месяц болтался в этой густоте, как серебряная ложечка в тарелке. Туман лежал во дворе маревом, укутывая

деревья, заросли кустарников, бочку с водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.